

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПЬЕР- ЛЕМЕТР

СВАДЕБНОЕ ПЛАТЬЕ

ЖЕНИХА

Кто убийца — известно,
но от этого становится
лишь страшнее...

Пьер Леметр

Свадебное платье жениха

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6243771

*Свадебное платье жениха: Роман / Пьер Леметр; Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2013
ISBN 978-5-389-06903-9*

Аннотация

Молодая женщина, ведущая мирную и счастливую жизнь, медленно впадает в безумие. Первые симптомы выглядят безобидными, однако события развиваются с головокружительной быстротой. Софи оказывается причастной к серии убийств, о которых она ничего не помнит. И тогда она решается на побег. Софи меняет имя, жизнь, снова выходит замуж, но кошмарное прошлое не отпускает ее. Однажды откроется правда, и свершится месть...

Содержание

Софи	5
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Пьер Леметр

Свадебное платье жениха

Pierre Lemaitre

Robe de marié

© Calmann-Lévy, 2009

© Р.Генкина, перевод на русский язык, 2012

© А.Бондаренко, оформление, 2013

© ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус”, 2013

Издательство Иностранка®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Разумеется, Паскатине, без которой ничего из этого...

Софи

Задыхаясь, она сидит на полу, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги.

Неподвижный Лео прижимается к ней, его голова лежит у нее на коленях. Одной рукой она гладит его волосы, другой пытается вытереть себе глаза, но руки ее не слушаются. Она плачет. Рыдания порой переходят в крик, она принимается выть, все громче и громче. Голова ее раскачивается из стороны в сторону. Временами горе становится столь острым, что она бьется затылком о стену. Боль ненадолго приносит облегчение, но вскоре у нее внутри все вновь обрывается. Лео очень тих и совсем не шевелится. Она опускает на него глаза, взглядывается, прижимает его голову к своему животу и плачет. Никто и представить себе не может, до чего она несчастна.

1

То утро ничем не отличалось от многих других: она проснулась в слезах и с комом в горле, хотя никаких особых причин для переживаний у нее не было. В ее жизни слезы не являлись чем-то особенным: она плакала все ночи напролет с тех пор, как сошла с ума. Если утром щеки не были

мокрыми, она могла бы даже вообразить, что ночи ее покойны, а сон глубок. Если же слезы заливали лицо, а горло сжималось, это просто следовало принять к сведению. С каких пор? После несчастного случая с Венсаном? После его смерти? После первой смерти, намного раньше?

Она приподнялась на локте, утерла уголком простыни глаза, пошарила в поисках сигарет, не нашла и внезапно осознала, где она. Все всплыло – вчерашние события, нескончаемый вечер... Она мгновенно вспомнила, что нужно уходить, бежать прочь из этого дома. Встать и уйти... но осталась на месте, словно прикованная к кровати, не в состоянии шевельнуться. Без сил.

Когда она выбралась наконец из постели и дошла до гостиной, мадам Жерве сидела на диване, спокойно склонившись над клавиатурой.

– Все в порядке? Выспались?

– Да. Выспалась.

– Вид у вас неважный.

– По утрам я всегда такая.

Мадам Жерве сохранила файл и захлопнула крышку ноутбука.

– Лео еще спит, – сообщила она, уверенным шагом направляясь к вешалке. – Я не стала заходить к нему, боялась разбудить. В школу ему сегодня не идти, так пусть лучше поспит, да и вы передохнете...

Сегодня уроков нет. Софи что-то смутно припоминает.

Что-то насчет педсовета. Стоя у входной двери, мадам Жерве уже надевала пальто.

– Мне пора...

Она чувствовала, что ей не хватит мужества объявить о своем решении. Кстати, уже и не в мужестве дело: времени тоже не осталось. Мадам Жерве захлопнула за собой дверь.

Вечером...

Софи слышала, как на лестнице гулко отдаются ее шаги. Кристина Жерве никогда не пользовалась лифтом.

Воцарилась тишина. Впервые за все время работы здесь она закурила сигарету прямо в гостиной. Побродила из угла в угол. Все, что попадалось на глаза, казалось ей пустым и ничтожным, словно она смотрела глазами выжившего после катастрофы. Пора уходить. Но спешка отступила – теперь, когда она осталась одна, стояла на ногах и держала сигарету. Правда, из-за Лео к уходу следовало подготовиться. Чтобы собраться с мыслями, она дошла до кухни и включила чайник.

Лео. Шесть лет.

Он сразу показался ей красивым, едва она его увидела. Дело было четыре месяца назад, в этой самой гостиной на улице Мольера. Он вбежал, остановился прямо перед ней и уставился, слегка склонив голову, – у него это служило признаком глубокой задумчивости. Мать сказала просто:

– Лео, это Софи, я тебе о ней говорила.

Он долго ее разглядывал. Потом так же просто сказал

«Хорошо» и потянулся поцеловать ее.

Лео – милый ребенок, немного капризный, умный и ужасно непоседливый. Обязанности Софи заключались в том, чтобы отвести его утром в школу, забрать в полдень, потом вечером, и сидеть с ним до того непредсказуемого часа, когда мадам Жерве или ее муж вернутся домой. Рабочий день ее мог закончиться в любой момент от пяти часов пополудни до двух часов ночи. Неограниченное свободное время сыграло решающую роль при приеме на работу: с первого же собеседования стало очевидным отсутствие у нее личной жизни. Мадам Жерве старалась этим свободным временем не злоупотреблять, но повседневность неизменно торжествует над принципами, и не прошло и двух месяцев, как Софи стала незаменимым колесиком в жизни семьи. Потому что всегда была на месте, всегда готова помочь, всегда свободна.

Отец Лео, долговязый сорокалетний мужчина, сухой и резковатый в обращении, был начальником отдела в Министерстве иностранных дел. Что до его супруги, высокой элегантной дамы с невероятно привлекательной улыбкой, она пыталась совмещать служебные обязанности статистика в аудиторской фирме с обязанностями матери Лео и жены будущего госсекретаря. Оба прекрасно зарабатывали. Софи хватило осмотрительности не злоупотребить этим в момент обсуждения ее будущей зарплаты. На самом деле она об этом даже не подумала, поскольку то, что ей предложили, вполне соответствовало ее запросам. Мадам Жерве увеличила ей

жалование с конца второго месяца.

А Лео просто молился на нее. Только ей удавалось без всяких усилий добиться от него того, на что матери требовалось несколько часов. Вопреки ее опасениям он оказался не избалованным до крайности ребенком с тираническими наклонностями, а спокойным мальчуганом, умеющим слушать. Конечно, он иногда дулся, но Софи занимала очень выигрышное место в его личной иерархии. На самом верху.

Каждый вечер около шести Кристина Жерве звонила узнать, как идут дела, и не без неловкости сообщить о времени своего возвращения. Она всегда несколько минут беседовала по телефону с сыном, а затем с Софи, с которой неизменно старалась обменяться парой слов скорее личного свойства.

Подобные попытки особого успеха не имели: Софи почти бессознательно придерживалась только общих мест, главным из которых был отчет о прошедшем дне.

Лео каждый вечер укладывался спать ровно в восемь. Неукоснительно. У Софи не было детей, но были принципы. Почитав ему очередную книжку, она устраивалась на весь остаток вечера перед огромной сверхплоской плазмой, способной принимать почти все, что только существует в области спутниковых программ, – скрытый подарок, преподнесенный ей на второй месяц работы мадам Жерве, обнаружившей, что, в каком бы часу она ни пришла, неизменно застает Софи перед экраном. Раз за разом мадам Жерве пора-

жалась тому обстоятельству, что тридцатилетняя и явно образованная женщина довольствуется столь скромной работой и проводит все вечера у маленького экрана, пусть даже впоследствии ставшего большим. Во время их первой беседы Софи рассказала, что была специалистом по общественным связям. Поскольку мадам Жерве пожелала узнать подробности, Софи упомянула свой университетский диплом, сказала, что работала в одной английской фирме, но не уточнила, на какой должности, добавила, что была замужем, но более в браке не состоит. Кристину Жерве эти сведения удовлетворили. Софи была ей рекомендована одной из подруг детства, директрисой агентства по найму временных работников, которая по какой-то загадочной причине прониклась к Софи симпатией во время их единственного собеседования. Да и дело не терпело отлагательств: предыдущая няня Лео уволилась без предупреждения, даже не отработав положенного срока. Спокойное и серьезное лицо Софи внушало доверие.

На протяжении первых недель мадам Жерве запускала пробные шары, пытаясь узнать о ней побольше, но хилый остаток романтизма, встречающийся повсеместно, даже у преуспевающих буржуа, заставил ее тактично отказаться от этих расспросов: скупые ответы Софи наводили на мысль об «ужасной драме совершенно конфиденциального свойства», разрушившей ее жизнь.

Как часто случалось, когда чайник выключился, Софи все еще пребывала где-то далеко, затерявшись в своих мыслях. Подобное состояние могло длиться у нее довольно долго. Нечто вроде провала в памяти. Ее мозг как бы заикливался на одной идее или образе, а мысль медленно-медленно кружила вокруг, словно насекомое, и она теряла представление о времени. Затем под воздействием своеобразной силы притяжения она возвращалась в настоящее и продолжала жизнь с того момента, когда отключилась. Обычное дело.

На этот раз, как ни удивительно, всплыло лицо доктора Бреве. Она так давно о нем не вспоминала. Она воображала его совсем другим. По телефону ей представлялся высокий властный мужчина, а он оказался плюгавым человечком, больше всего напоминавшим помощника нотариуса, которому в кои-то веки поручили принять второсортных клиентов, и он никак не поверит своему счастью. Рядом стоял книжный шкаф со всякими безделушками. Софи предпочитала сидеть на стуле. Она прямо с порога заявила, что не хочет ложиться на кушетку. Доктор Бреве взмахнул ручками, показывая, что с этим никаких проблем не возникнет. «У меня здесь и нет никаких кушеток», – добавил он. Софи, как могла, объяснила, в чем дело. «Дневник», – изрек наконец свой вердикт доктор. Софи должна была записывать все, что делала. Возможно, в моменты забытья она творила для себя «целый мир». Попытаемся взглянуть на вещи объективно, предложил доктор Бреве. Таким образом «вы сможете с точ-

ностью определить, что вы забываете, что теряете». И Софи принялась все записывать. И записывала... ну да, три недели... До следующего сеанса. И за это время она столько всего потеряла! Она забывала о назначенных встречах, а за два часа до того, как отправиться к доктору Бреве, обнаружила, что потеряла свой дневник. И найти его не представлялось возможным. Она все перерыла. Не тогда ли ей попался под руку подарок на день рождения Венсана? Тот самый, который она так и не смогла отыскать, когда хотела сделать ему сюрприз.

Все смешалось; ее жизнь – сплошная мешанина...

Она налила воды в чашку и докурила сигарету. Пятница. Сегодня уроков нет. Обычно она сидит с Лео целый день только по средам, иногда в выходные. Тогда они ходят куда-нибудь – в зависимости от желания и обстоятельств. До сих пор оба прекрасно проводили время, хотя часто спорили. Когда они вышли из дома, все было хорошо. По крайней мере до того момента, когда она начала ощущать что-то смутное, а потом и тягостное. Она не хотела обращать на это внимания, потом попыталась отогнать неприятное чувство, словно надоедливую муху, но оно возвращалось все настойчивей. И отражалось на ее отношении к ребенку. Ничего тревожного поначалу. Только что-то подспудное, молчаливое. Что-то тайное, касающееся их обоих.

Пока истина внезапно не открылась ей – вчера днем, в сквере Дантремон.

В этом году конец мая в Париже выдался очень теплым. Лео захотел мороженого. Она уселась на скамейку, ей было нехорошо. Сначала она объяснила дурноту тем, что они были в сквере – месте, которое она ненавидела более всего, потому что здесь ей все время приходилось избегать бесед с мамочками. Она уже отучила от подобных попыток постоянных посетительниц, которые теперь обходили ее стороной, но оставались еще случайные, новенькие, просто проходящие мимо, не считая пенсионеров. Она не любила сквер.

Софи рассеянно листала журнал, когда Лео подошел и встал рядом. Он глядел на нее без особого выражения, облизывая мороженое. Она бросила ему ответный взгляд. И именно в этот момент поняла, что не сумеет скрыть то, что предстало перед ней со всей очевидностью: по какой-то необъяснимой причине она его возненавидела. Он по-прежнему смотрел прямо на нее, и она с ужасом осознала, до какой степени все в нем стало невыносимым: его личико херувима, жующие губы, глупая улыбка, дурацкая одежда.

Она сказала: «Мы уходим», как если бы сказала: «Я уйду». Маховик в ее голове вновь пришел в движение. И потащил за собой все ее провалы, пробелы, пустоты и нелепости... Пока она торопливым шагом направлялась к дому (Лео ныл, что она идет слишком быстро), ее осаждали беспорядочные картины: машина Венсана, врезавшаяся в дерево, и мерцающие в ночи мигалки, ее часы на дне шкатулки с драгоценностями, тело мадам Дюге, скатывающееся по лестни-

це, тревожная сирена, ревущая в доме посреди ночи... Картинки прокручивались то в одном порядке, то в другом, новые вперемешку со старыми. Маховик дурноты набирал свой неотвратимый ход.

Софи не подсчитывала, сколько лет отдала безумию. Пришлось бы вернуться так далеко назад... Конечно, ей казалось, что из-за пережитых страданий время тянулось вдвое медленнее. Вначале спуск был плавным, но с течением месяцев ее понесло, будто на салазках с крутой горки. В то время Софи была замужем. Все это было... до. Венсан отличался удивительным терпением. Всякий раз, когда Софи думала о Венсане, перед ней возникал калейдоскоп образов, словно выхваченных крупным планом: молодой Венсан, улыбающийся, всегда спокойный, сливался с Венсаном последних месяцев, с изможденным лицом, желтой кожей, неподвижными глазами. В начале их брака (Софи во всех подробностях видела их квартиру, это просто удивительно, как в одной голове могут сосуществовать такие резервы памяти и такая ее ущербность) все сводилось к простой рассеянности. Все так и говорили: «Софи ужасно рассеянная», — но она утешала себя тем, что такой уж уродилась. Потом ее рассеянность переросла в странность. И за несколько месяцев все полетело в тартарары. Забытые встречи, предметы, люди; она начала терять вещи, ключи, бумаги, потом находила их через несколько недель в самых несообразных местах. Несмотря на свое пресловутое спокойствие, Венсан

мало-помалу начал напрягаться. И его можно было понять. Еще бы... Она забывала принять противозачаточное, теряла подарки на день рождения, украшения для елки... Такое выведет из себя даже самого закаленного человека. Тогда Софи начала все записывать со скрупулезным прилежанием наркоманки, которая готовится к ломке. Но теряла записные книжки. Она потеряла свою машину, друзей, была задержана за кражу, мало-помалу неполадки стали частью ее жизни, не оставив нетронутым ни одного уголка, и она, как алкоголичка, пыталась скрывать свое состояние, мухлевать, чтобы Венсан, как и никто другой, ничего не заметил. Психотерапевт предложил ей госпитализацию. Она отказывалась, пока смерть не вмешалась в ее безумие.

Софи на ходу открыла сумку, запустила туда руку, дрожащими пальцами прикурила сигарету и глубоко затянулась. Прикрыла глаза. Несмотря на гул в голове и дурноту во всем теле, она заметила, что Лео рядом нет. Обернулась и увидела его далеко позади; он стоял посреди тротуара, сложив руки, с замкнутым лицом, упрямо отказываясь идти дальше. Вид этого надутого ребенка, который застыл как вкопанный посреди тротуара, внезапно привел ее в бешенство. Она вернулась обратно, встала перед ним и отвесила ему звонкую пощечину.

Звук пощечины отрезвил ее. Ей стало стыдно, она огляделась, проверяя, не видел ли кто, что произошло. Вокруг

не было ни души, улица оставалась пуста и спокойна, только мотоциклист медленно проехал мимо. Она посмотрела на ребенка, который тер щеку. Он вернул ей взгляд, не заплакав, как если бы смутно ощущал, что все это на самом деле его не касается.

Она проговорила «Идем домой» не допускающим возражений тоном.

И все.

За весь вечер они не сказали друг другу ни слова. У каждого были на то свои причины. Она вскользь задалась вопросом, не приведет ли эта пощечина к проблемам с мадам Жерве, прекрасно сознавая, что ей это безразлично. Теперь придется уходить, и все было так, словно она уже ушла.

Как нарочно, именно этим вечером Кристина Жерве вернулась поздно. Софи спала на диване, пока на экране под взрывы воплей и аплодисментов шел баскетбольный матч. Ее разбудила тишина, когда мадам Жерве выключила телевизор.

– Уже поздно... – извинилась та.

Софи взглянула на стоящую перед ней фигуру в пальто и сонно пробормотала:

– Пожалуйста.

– Не хотите переночевать здесь?

Когда мадам Жерве возвращалась поздно, она всегда предлагала ей остаться, Софи отказывалась, и мадам Жерве оплачивала ей такси.

В одно мгновение перед Софи промелькнули завершающие кадры сегодняшнего дня, молчаливый вечер, ускользающие взгляды, сосредоточенный Лео, который терпеливо выслушал вечернюю сказку, думая при этом о чем-то другом. Он с таким очевидным трудом вытерпел ее прощальный поцелуй, что она с удивлением услышала, как говорит:

– Ничего страшного, малыш, ничего страшного. Прости меня...

Лео кивнул, соглашаясь. В этот момент показалось, что взрослая жизнь внезапно ворвалась в его мир, и это и его лишило сил. Он быстро заснул.

На этот раз Софи согласилась остаться ночевать, настолько была подавлена.

Она сжала в руках чашку с уже остывшим чаем, не обращая внимания на слезы, тяжело падавшие на паркет. На краткое мгновение всплыла картина: тело кошки, приколоченное к деревянной двери. Черно-белая кошка. И еще другие картины. Сколько смертей. В ее жизни было много смертей.

Пора. Взгляд на кухонные часы: полдесятого. Не отдавая себе отчета, она прикурила еще одну сигарету. Нервно раздавила ее в пепельнице.

– Лео!

Собственный голос заставил ее вздрогнуть. Она услышала в нем непонятно откуда взявшийся страх.

– Лео?

Она бросилась в детскую. На кровати громоздились простыни, под ними вырисовывалось нечто вроде американских горок. Она с облегчением выдохнула и даже слегка улыбнулась. Испарившийся страх вызвал в ней невольный всплеск чего-то вроде благодарной нежности.

Она подошла к кровати со словами:

– И куда это подевался наш мальчик?.. – Обернулась. – Может быть, здесь... – Легонько хлопнула дверцей соснового шкафа, искоса наблюдая за кроватью. – Нет, не в шкафу. Может, в ящиках... – Выдвинула ящик – один раз, другой, третий, повторяя: – Не в этом... Не в этом... И тут нет... Где ж он может быть?.. – Потом подошла к двери и уже громче сказала: – Ну ладно, ничего не поделаешь, раз его тут нет, я ухожу...

Она громко хлопнула дверью, но осталась в комнате, глядя на кровать и фигурку под простынями. Поджидая реакции. И тут ее охватила тревога, засосало под ложечкой. Фигура на кровати оставалась неподвижной. Она застыла на месте, слезы снова подступили к глазам, но не теперешние, а прежние, которые орошали окровавленное тело мужчины, упавшее на руль, которые брызнули после того, как ее руки скользнули по спине старой женщины, летевшей с лестницы.

Механическим шагом она приблизилась к кровати и одним рывком сдернула простыни.

Лео был там, но он не спал. Он лежал голый, скорченный,

запястья привязаны к щиколоткам, голова свисает между колен. В профиль видно, какого жуткого цвета у него лицо. Пижамой воспользовались, чтобы крепко связать его. Шнурок на шее был затянут так туго, что оставил в плоти глубокую борозду.

Она вцепилась зубами в кулак, но не смогла сдержать рвоту. Склонилась вперед, изо всех сил стараясь не касаться ребенка, но ей ничего не оставалось, как опереться о кровать. Маленькое тело тут же скользнуло к ней, голова Лео стукнулась о ее колени. Она так крепко прижала его к себе, что они с неизбежностью упали друг на друга.

И вот она сидит на полу, привалившись спиной к стене, прижимая к себе неподвижное ледяное тело Лео... Собственные завывания потрясают ее так, словно исходят от кого-то другого. Она опускает глаза к ребенку. Несмотря на застилающую взор пелену слез, она ясно различает всю необъятность катастрофы. Механически гладит его волосы. Лицо его, изжелта-белое, покрытое пятнами, обращено к ней, но неподвижные глаза смотрят в пустоту.

2

Сколько времени? Она не знала. Открыла глаза. Первое, что ощутила, – вонь от своей майки, залитой рвотой.

Она по-прежнему сидела на полу, привалившись спиной к стене, и упорно глядела в пол, словно желая, чтобы все за-

стыло – и голова, и руки, и мысли. Остаться так, неподвижной, слиться со стеной. Когда останавливаешься, все тоже должно остановиться, верно? Но от этого запаха ее мутило. Она повернула голову. Крошечное движение вправо, в сторону двери. Который час? Обратное движение, тоже минимальное, влево. В ее поле зрения – ножка кровати. Это как головоломка, которую надо собрать: стоит одному кусочку стать на место, и в сознании возникнет цельная картинка. Не поворачивая головы, она чуть-чуть пошевелила пальцами, ощутила под рукой волосы, всплыла, как ныряльщица на поверхность, к поджидающему ее ужасу, но тут же остановилась, пронзенная электрическим разрядом: телефон разразился воплями.

На этот раз ее голова без колебаний повернулась к двери. Звонок доносился оттуда, от ближайшего телефона, который стоял в коридоре на столике из канадской березы. Она на мгновение опустила глаза и оцепенела при виде детского тельца: оно лежало на боку, голова на коленях, в такой застывшей неподвижности, что само напоминало картину.

Итак, мертвый ребенок, наполовину распростертый на ее собственном теле, надрывные телефонные звонки и Софи, в чьи обязанности входит заботиться о ребенке и подходить к телефону, которая сидит, прислонившись к стене, мотая из стороны в сторону головой и вдыхая запах собственной рвоты. Голова у нее закружилась, снова навалилась дурнота, она едва не потеряла сознание. Мозг плавился, рука без-

надежно тянулась вперед как у утопающей. От ужаса и смятения ей показалось, что звонки стали еще пронзительней. Сейчас она слышала только их, и они ввинчивались в мозг, заполняя и парализуя ее всю. Вытянув руки, потом разведя их в стороны, она вслепую отчаянно попыталась нащупать опору, наконец обнаружила справа что-то твердое, за что можно ухватиться, чтобы удержать остатки сознания. И этот безостановочный звон, не желающий умолкнуть... Ее рука вцепилась в угол тумбочки, на которой у изголовья Лео стояла лампа. Она изо всех сил сжала пальцы, и это мышечное усилие заставило дурноту на мгновение отступить. И звонок замолк. Потянулись долгие секунды. Она задержала дыхание. Мозг медленно отсчитывал... четыре, пять, шесть... телефон молчал.

Она подсунула руку под тело Лео. Он ничего не весил. Ей удалось уложить его голову на пол и ценой нечеловеческого усилия встать на колени. И снова навалилась тишина, плотная, почти осязаемая. Она дышала урывками, как женщина при родах. Длинная нитка слюны свисала с уголка ее губ. Не поворачивая головы, она всмотрелась в пустоту, ища следы чьего-то присутствия. И подумала: здесь, в квартире, кто-то есть – тот, кто убил Лео, убьет и меня тоже.

В этот момент снова раздался телефонный звонок. Новый электрический разряд пронзил ее тело сверху донизу. Она пошарила руками вокруг. Найти что-нибудь, скорее... Лампа у изголовья. Она схватила ее, рывком дернула на се-

бля. Шнур выскочил, и она медленно, переставляя одну ногу за другой, двинулась по комнате в направлении звонка, держа лампу как факел, как оружие, не отдавая себе отчета в нелепости ситуации. Но слышать чье-то присутствие было невыносимо – телефон ревел, вопил, его механический неотвязный звон сверлом вгрызался в пространство. Она уже дошла до порога, когда внезапно воцарилась тишина. Она продвинулась еще на несколько шагов и вдруг, сама не зная почему, прониклась уверенностью, что в квартире никого нет, она одна.

Не раздумывая и не колеблясь, она направилась в конец коридора, к другим комнатам, держа лампу в опущенной руке и волоча шнур. Вернулась в гостиную, зашла на кухню, потом вышла, распахнула двери – все двери.

Одна.

Она рухнула на диван и наконец выпустила лампу из рук. Рвота на майке казалась свежей. Ее снова охватило отвращение. Она сорвала майку, бросила ее на пол, вскочила и пошла к детской. И замерла, прислонившись к косяку, скрестив руки на голой груди, глядя на маленькое мертвое тело, лежащее на боку, и тихонько плача... Нужно позвонить. Это уже ничего не изменит, но нужно позвонить. В полицию, в «скорую», спасателям, кого там зовут в таких случаях? Мадам Жерве? Живот свело от страха.

Она хотела бы сдвинуться с места, но не могла. Господи, Софи, в какое дерьмо ты влипла? Мало тебе было все-

го остального... Ты должна срочно исчезнуть, прямо сейчас, пока снова не зазвонил телефон, пока встревоженная мать не схватила такси и не явилась сюда с криками, слезами, полицией, вопросами и допросами.

Софи не представляла, что делать. Звонить? Уходить? Из двух зол меньшее. В этом выборе вся ее жизнь.

Наконец она выпрямилась. Что-то в ней уже приняло решение. Плача, она заметалась по квартире из комнаты в комнату, но движения ее были беспорядочны, а метания бесцельны, она слышала собственный голос – хныкающий, как у ребенка. Попыталась уговорить себя: «Сосредоточься, Софи. Выдохни и начни думать. Тебе нужно одеться, умыться, собрать вещи. Скорее. И уходи. Немедленно. Забери свои вещи, сложи сумку, торопись». Она так набегалась по комнатам, что почти потеряла ориентировку. Проходя мимо комнаты Лео, не смогла удержаться, чтобы не заглянуть еще раз внутрь; первое, что она увидела, – не восковое застывшее лицо ребенка, а его шею и коричневый шнурок, конец которого змейкой вился по полу. Она узнала его. Это был шнурок от ее уличных ботинок.

3

Какие-то детали этого дня выпали у нее из памяти. Следующее, что всплыло перед глазами, – часы на церкви Святой Елизаветы, которые показывали 11:15.

Солнце почти в зените, в висках оглушительно стучит. Не говоря уж о том, что она совершенно без сил. Ее преследует вид тела Лео. Как будто она проснулась во второй раз. Она пытается зацепиться... за что... Стеклянная поверхность под рукой. Магазин. Стекло холодное. Она чувствует, как пот стекает из-под мышек. Ледяной пот.

Что она здесь делает? И вообще, где она? Хочет взглянуть, сколько времени, но часов на руке нет. Хотя она уверена, что они у нее были... А может, и нет. Она больше не помнит. Улица Тамплъ. Неужели она добиралась сюда полтора часа? Что же она делала все это время? Куда ходила? И кстати, Софи, куда ты идешь? Ты шла пешком от улицы Мольера? Или ехала на метро?

Черная дыра. Она знает, что сошла с ума. Нет, ей нужно время, вот и все, немного времени, чтобы сосредоточиться. Ну конечно, так и есть, она ехала на метро. Она не чувствует своего тела, только пот, стекающий по рукам, капля за каплей, безостановочно, и старается промокнуть его, прижимая локоть к боку. Как она одета? У нее безумный вид? Голова раскалывается и гудит, картинки мельтешат, сменяя друг друга. Надо подумать и что-то сделать. Но что именно?

Она видит свое отражение в витрине и не узнает себя. Сначала думает, что на самом деле это не она. Но нет, это она, только что-то в ней другое... Что-то другое, но что?

Она окидывает взглядом улицу.

Пройтись и попробовать подумать. Но ноги отказываются

ее нести. Работает только голова, и Софи старается дышать глубже, чтобы унять мельтешение картинок и слов. Грудь будто в тисках. Опираясь одной рукой о витрину, она пытается привести мысли в порядок.

Ты убежала. Все так, ты испугалась и убежала. Когда обнаружат тело Лео, начнут искать тебя. Тебя обвинят в... Как это называется? Что-то там о «неоказании помощи», кажется... Сосредоточься.

В сущности, все просто. Тебе поручили присматривать за ребенком, а кто-то пришел и убил его. Лео...

Она так и не смогла сразу найти объяснение тому факту, что дверь квартиры была заперта на два оборота, – она обнаружила это, когда убегала. Ладно, объяснение найдется позже.

Софи подняла глаза. Место знакомое. Это же совсем рядом с ее домом. Ну да, точно, ты убежала и теперь возвращаешься к себе.

Приходить сюда было безумием. Если б она хоть что-то соображала, никогда бы и близко к этому кварталу не подошла. Ее будут искать. Наверное, уже ищут. На нее навалилась новая волна усталости. Вон там, справа, кафе. Она зашла.

Уселась в глубине зала. Огромным усилием заставила себя думать. Прежде всего следовало определиться в пространстве. Она сидела в глубине зала и лихорадочно всматривалась в лицо приближающегося официанта, взгляд ее быстро обжег помещение, прикидывая, каким путем она

сможет рвануть к выходу, если... но ничего не произошло. Официант не задал никаких вопросов, только смотрел на нее так, словно все ему надоело. Она заказала кофе. Официант устало направился к стойке.

Вот так, сначала определиться в пространстве.

Улица Тампль. Она в... трех, нет, в четырех остановках метро от дома. Да, в четырех: «Тампль», «Республика», пересадка, потом... Какая же четвертая остановка? Господи ты боже мой! Она сходила на ней каждый день, она ездила по этой линии сотни раз. Перед глазами стоял вход, лестница с железными перилами, на самом углу газетный киоск с продавцом, который вечно повторял: «Ну что за погода, блин?! Сплошное дерьмо!»

Официант принес кофе, рядом положил кассовый чек: один евро десять центов. А деньги у меня есть? Сумочку она поставила перед собой на стол и даже не осознала, что сумочка при ней.

Память отключилась, в голове пусто, она двигается автоматически, не отдавая себе отчета в собственных действиях. Именно так все и случилось. Именно поэтому она и убежала.

Сосредоточиться. Как же называется та проклятая станция? Приезд сюда, сумка, часы... Что-то действует у нее внутри, словно их теперь двое. Меня двое. Одна дрожит от страха, сидя перед чашкой остывающего кофе, а другая – это та, которая двигается, берет сумку, забывает часы, а теперь как ни в чем не бывало возвращается к себе домой.

Она обхватывает голову руками и чувствует, как текут слезы. Официант смотрит на нее, продолжая протирать стаканы фальшиво небрежными движениями. Я сумасшедшая, и это заметно... Надо уйти. Встать и уйти.

Ее встряхивает внезапный выброс адреналина: если я сумасшедшая, возможно, все эти картинки фальшивые. Возможно, это всего лишь кошмар наяву. Она просто отключилась от реальности, заблудилась в вымышленном мире. Да, это ночной кошмар, и ничто иное. Ей почудилось, что она убила ребенка. А утром она испугалась и убежала? Да, я испугалась собственной фантазии, вот и все.

«Бон-Нувель! Вот как называется эта станция метро, «Бон-Нувель»! Нет, там была еще одна, как раз перед этой. Но теперь название всплывает само собой: «Страсбург – Сен-Дени».

Ее станция называется «Бон-Нувель». Она совершенно уверена, теперь она ясно ее представляет.

Официант странно на нее поглядывает. Она расхохоталась во весь голос. Она то плачет, то вдруг начинает хохотать.

Реально ли все это? Надо бы удостовериться. Для очистки совести. Позвонить. Сегодня что? Пятница... Лео не должен идти в школу. Он дома. Лео должен быть дома.

Один.

Я убежала, а ребенок остался один.

Надо позвонить.

Она хватает сумочку, раскрывает, словно раздирая ее

на части. Роемся внутри. Номер в памяти телефона. Она вытирает глаза, чтобы ясно видеть пробегающие цифры. Гудок. Один, второй, третий... Телефон звонит, но никто не отвечает. Лео не в школе, он один в квартире, телефон звонит, и никто не подходит... Пот снова льется, на этот раз по спине. «Подойди же, черт!» Она продолжает машинально считать гудки, четыре, пять, шесть. Потом щелчок, тишина, и наконец голос, которого она не ждала. Она хотела услышать Лео, а тут заговорила его мать: «Здравствуйте, вы звоните Кристине и Алену Жерве...» От этого спокойного и решительного голоса холод пробирает ее до костей. Чего она ждет, почему не вешает трубку? Каждое слово вжимает ее в стул. «В данный момент нас нет дома...» Софи с силой давит на кнопку.

С ума сойти, каких усилий стоит связать воедино две элементарные мысли... Проанализировать. Понять. Лео прекрасно умеет подходить к телефону, это настоящий праздник для него – опередить вас, снять трубку, ответить, спросить, кто говорит. Если Лео дома, он должен ответить, или же его там нет, выбор невелик.

Черт, где может быть этот маленький поганец, если не дома! Сам он дверь открыть не сумеет. Его мать установила целую систему запоров еще в то время, когда он начал совать повсюду свой нос, вынуждая ее беспокоиться. Он не отвечает, но выйти из дома тоже не мог: просто квадратура круга какая-то. Где этот тупой сопливец!

Думать. Сколько там, 11:30?

На столе валяются всякие мелочи, выпавшие из сумки, даже гигиенический тампон. На кого только она похожа. За стойкой официант разговаривает с какими-то двумя типами. Наверное, завсегдатаи. И говорят, конечно, о ней. Стоит встретиться взглядом, и они тут же отводят глаза в сторону, вроде бы все вышло случайно. Здесь оставаться нельзя. Надо уходить. Одним движением она сгребает все, что лежит на столе, в сумку и кидается к выходу.

— Евро десять!

Она оборачивается. Трое мужчин как-то странно на нее смотрят. Она роется в сумке, с огромным трудом извлекает две монеты, кладет на стойку и выходит.

Погода по-прежнему прекрасная. Она машинально отмечает все, что движется: прохожие идут, машины едут, мотоциклы трогаются с места. Идти. Идти и думать. На этот раз картинка с Лео предстает перед ней совершенно отчетливо. Она может различить мельчайшие детали. Это не сон. Ребенок мертв, а она в бегах.

Домработница должна прийти в двенадцать! Больше в квартире до полудня появиться некому. Потом тело ребенка будет обнаружено.

Значит, надо бежать. Быть начеку. Опасность может обрушиться откуда угодно и в любой момент. Не оставаться на месте, двигаться, идти. Собрать вещи, бежать, скорее, пока ее не нашли. Исчезнуть, чтобы все обдумать. Понять. Ко-

гда она окажется в надежном укрытии, то сумеет проанализировать. Потом вернется и все объяснит, вот так. Но сейчас нужно уехать. Только куда?

Она остановилась посреди улицы. Кто-то сзади натолкнулся на нее. Она залепетала извинения. Стоя посреди тротуара, огляделась вокруг. На бульваре оживленное движение. И палящее солнце. Безумие отступило, жизнь начала приобретать нормальные формы.

Вот цветочный магазин, рядом мебельный. Действовать надо быстро. Взгляд упал на часы в мебельном магазине: 11:35. Она зашла в подъезд. Пошарила в сумке, достала ключи. В почтовом ящике что-то есть. Но времени терять нельзя. Третий этаж. Снова ключи, сначала от засова, потом от замка. Руки дрожали, пришлось положить сумку на пол, открыть удалось только со второй попытки, она старалась дышать глубоко и ровно, наконец второй ключ повернулся в замке, дверь распахнулась.

Она застыла на пороге перед открытой дверью. До этого ей ни на секунду не пришло в голову, что все ее соображения могли оказаться неверными. Что ее могли поджидать... На лестничной площадке тишина. Знакомый свет из квартиры мягко стелился под ноги. Она замерла, но слышны были только удары ее собственного сердца. Внезапно она вздрогнула: звук ключа в замке. На площадке, справа. Соседка. Не раздумывая, она влетела в квартиру. Дверь захлопнулась прежде, чем она успела ее придержать. Заставила себя за-

мереть на месте, прислушалась. Пустота, так часто угнетавшая ее, на сей раз действовала успокаивающе. Она медленно двинулась по квартире, не чувствуя постороннего присутствия. Взгляд на будильник: 11:40. Приблизительно. Этот будильник всегда подвирал. Но в какую сторону? Кажется, спешил. Но она не уверена.

Она сорвалась с места, и все понеслось. Выхватила чемодан из гардероба, открыла ящики комода, запихала одежду, не разбирая где что, кинулась в ванную, смела все, что стояло сверху на тумбочке, и сунула в сумку. Оглянулась вокруг. Бумаги! В секретере: паспорт, деньги. Сколько там? Двести евро. Чековая книжка! Где эта чертова чековая книжка? В сумке. Она проверила. Снова огляделась. Куртка. Сумка. Фотографии! Вернулась обратно, открыла верхний ящик комода, вытащила альбом с фотографиями. Взгляд упал на свадебную фотографию в рамке, стоящую на комоде. Схватила все, бросила в чемодан, захлопнула крышку.

Приложив ухо к двери, напряженно вслушалась. Вновь в ушах только грохот сердца, заполняющий все пространство. Положила обе ладони на дверь. Сосредоточиться. Ничего не слышно. Взяла чемодан, распахнула дверь: на площадке никого; захлопнула дверь, даже не дав себе труда запереть ее на ключ. Промчалась вниз по лестнице. Мимо проезжало такси, она его остановила. Парень решил положить чемодан в багажник. Нет времени! Она запихнула его на заднее сиденье, села сама.

Водитель спросил:

– Куда едем?

Она не знала. Мгновенная заминка.

– На Лионский вокзал.

Когда такси тронулось, она оглянулась через заднее стекло. Ничего особенного, какие-то машины, прохожие. Перевела дух. Наверное, она похожа на сумасшедшую. Шофер подозрительно поглядывал на нее в зеркальце.

4

Поразительно, как в стрессовых ситуациях мысль работает сама по себе. Она закричала:

– Остановите здесь!

Удивленный таксист затормозил. Они не проехали и ста метров. Шофер не успел обернуться, как она уже выскочила из машины.

– Я сейчас вернусь. Подождите меня!

– Ну, не знаю... меня это вроде как не очень устраивает... – протянул шофер.

Он глянул на чемодан, который она закинула на заднее сиденье. Ни чемодан, ни клиентка не внушали ему особого доверия. Она заколебалась. Он ей нужен, а сейчас сложности поджидают ее на каждом шагу... Открыла сумочку, вытащила купюру в пятьдесят евро и протянула водителю:

– Так вас устроит?

Шофер глянул на купюру, но брать не стал.

– Ладно, идите, – сказал он, – только недолго...

Она перебежала дорогу и влетела в помещение банка. Там было практически пусто, только за конторкой маячило женское лицо, вроде бы незнакомое... но она не часто здесь бывала... Софи достала чековую книжку и положила перед собой.

– Пожалуйста, я хотела бы узнать состояние моего счета...

Служащая демонстративно бросила взгляд на настенные часы, взяла чековую книжку, набрала что-то на клавиатуре и принялась разглядывать свои ногти, пока стрекотал принтер. Свои ногти и часы на запястье. Такое ощущение, что принтер едва справлялся с непосильной работой – ему потребовалась почти минута, чтобы выдать десять строк текста и цифр. Единственная цифра, которая интересовала Софи, была в самом конце.

– А на накопительном счете...

Служащая вздохнула:

– У вас есть номер?

– Нет, к сожалению, я его не помню...

У нее и впрямь глубоко огорченный вид. Что полностью соответствует ее состоянию. На часах 11:56. В зале она единственная клиентка. Другой служащий, высоченный мужчина, встал, вылез из-за конторки, прошел через зал и начал опускать рольставни. Мало-помалу дневной свет сменился совершенно искусственным, больничным. Вместе с этим

рассеянным влажным светом воцарилась ватная звенящая тишина. Софи чувствует себя нехорошо. Совсем нехорошо. Смотрит на две цифры.

– Я сниму шестьсот с текущего счета и... скажем... пять тысяч с накопительного?..

Она закончила фразу вопросительной интонацией, словно спрашивая разрешения. Надо следить за собой. Больше уверенности.

С той стороны стойки раздался короткий вздох, полный паники:

– Вы желаете закрыть ваши счета?

– О нет... – Следи за собой, ты клиентка, и решение принимаешь ты. – Нет, просто мне нужна наличность. – Да, вот так, желание получить «наличность» – это звучит серьезно, по-взрослому.

– Но ведь...

Служащая перевела глаза на Софи, потом на чековую книжку, которую так и держала в руках, затем на настенные часы, стрелка которых продолжала двигаться к полудню, и наконец на коллегу, склонившегося к замку стеклянной двери, чтобы запереть ее на ключ, – тот опустил последние рольставни и теперь смотрел на них с плохо скрываемым нетерпением.

Сложностей оказалось даже больше, чем она могла предположить. Отделение банка закрывалось, уже полдень, таксист наверняка заметил опускающиеся рольставни...

Она выговаривает с натянутой улыбкой:

– Дело в том, что я тоже очень спешу...

– Секундочку, я посмотрю...

Софи не успевает удержать ее: та уже откинула дверцу в стойке и постучала в кабинет напротив. Софи спиной ощущает взгляд ее коллеги, который состоит при двери, хотя предпочел бы состоять при обеденном столе. Как неприятно чувствовать кого-то у себя за спиной. Но в этой ситуации все неприятно, особенно приближающийся тип, который выходит из кабинета вслед за служащей.

Вот его она знает, имени не помнит, но как раз он принял ее в тот день, когда она пришла открывать счет. Сильно за тридцать, лицо немного грубое, из тех, кто проводит отпуск в кругу семьи, играя в петанк и отпуская при этом тупые прибаутки, носит сандалии на носки, наберет двадцать кило за пять ближайших лет, имеет любовниц в обеденный перерыв, а потом обо всем докладывает коллегам, – из банковских бабников, с его желтой рубашкой и подчеркнутым «мадемуазель». Короче, из придурков.

Данный придурок стоит перед ней. Рядом с ним служащая кажется совсем маленькой. Эффект власти. Софи отлично понимает, что представляет собой этот тип. Чувствует, как пот разливается по всему телу. Она попала в настоящую мышеловку.

– Мне сказали, что вы хотели бы снять... – тут он наклоняется к экрану компьютера, как будто впервые знакомясь

с соответствующей информацией, – практически все ваши наличные средства.

– Это запрещено?

В ту же секунду она поняла, что выбрала не лучшую тактику. Излишняя прямолинейность в общении с подобными придурками ведет к открытой войне.

– Нет-нет, не запрещено, просто... – Он оборачивается, адресует отеческий взгляд служащей, стоящей у вешалки: – Можете идти, Джульетта, я сам закрою, не беспокойтесь.

Девушка с неподходящим именем не заставила его повторять дважды.

– Возможно, вы недовольны услугами нашего банка, мадам Дюге?

В глубине офиса хлопнули двери, тишина навалилась еще плотней. Она старается соображать как можно быстрее.

– Ну что вы... Просто... я должна уехать, понимаете. И мне нужна наличность.

Слово «наличность» звучит уже не так правильно, как раньше, теперь в нем призывок чего-то торопливого, поспешного, подозрительного, слегка жуликоватого.

– Нужна наличность... – повторяет тот. – Обычно, когда речь идет о таких значительных суммах, мы предпочитаем заранее договариваться с нашими клиентами о встрече. И в рабочие часы... Из соображений безопасности, как вы сами понимаете.

Намек настолько очевиден, настолько естественен для

этого типа, что ей хочется дать ему пощечину. Она сосредоточивается на мысли, что ей нужны, совершенно необходимы эти деньги, и таксист не будет ждать весь день, и она должна выбраться отсюда, должна выпутаться.

– Мой отъезд – такая неожиданность. Полная неожиданность. Но мне совершенно необходимо уехать. И совершенно необходима эта сумма. – Она смотрит на типа, и что-то внутри ее сдается, уступает – чувство собственного достоинства, наверное; она вздыхает. Что ж, она сделает все, что потребуется; это вызывает в ней отвращение к себе – легкое, но мимолетное. – Я вполне понимаю, в какое затруднительное положение поставила вас, месье Мюзен. – Имя типчика всплыло само собой, словно проблеск вернувшейся уверенности в себе. – Если бы у меня было время позвонить вам, я бы обязательно это сделала. И если бы я сама могла выбрать время отъезда, я не пришла бы сюда к закрытию. Если бы мне не были так нужны эти деньги, я не стала бы вас беспокоить. Но они мне нужны. Вся сумма. И прямо сейчас.

Мюзен расплывается в самодовольной ухмылке. Она чувствует, что дело сдвинулось в нужном направлении.

– Проблема еще и в том, что я не уверен, располагаем ли мы такой суммой наличными...

Софи чувствует, как по телу струится холодный пот.

– Но я пойду проверю, – закончил Мюзен.

Сказал и исчез. В своем кабинете. Чтобы позвонить? Зачем ему понадобилось заходить в кабинет, чтобы проверить

содержимое сейфа?

В растерянности она посмотрела на входную дверь, опущенные рольставни, дверь в глубине, которой воспользовались оба служащих, уходя на обед, и которая, закрываясь, издала металлическое лязганье бронированной стали. Вновь повисла тишина – более тягучая и грозная, чем прежде. Этот тип точно куда-то звонит. Куда? Но он уже возвращался. Приблизился к ней, правда, не со стороны стойки, как вначале, а с ее стороны, призывно улыбнулся. Он стоял близко, действительно очень близко.

– Полагаю, мы сможем это уладить, мадам Дюге, – выдохнул он.

Ее губы разлепились в вымученной улыбке. Тот не шелохнулся. Только продолжал улыбаться, глядя ей в лицо. Она тоже не шевелилась, по-прежнему улыбаясь. Именно это и требовалось. Улыбаться. Откликаться на предложение. Тип развернулся и отошел.

Она снова осталась одна. 12:06. Она кинулась к окну, раздвинула полосы рольставен. Такси все еще ждало. Разглядеть шофера она не смогла. Главное, что он там был. Но действовать следовало быстро. Очень быстро.

Когда типчик вернулся из своего логова, она уже стояла у конторки в позе ожидающей клиентки. Он остался по ту сторону стойки и отсчитал пять тысяч шестьсот евро. Встал на место служащей, набрал что-то на клавиатуре. Принтер послушно принялся за работу, а Мюзен пока что разглядывал

вал ее улыбаясь. Она чувствовала себя совершенно голой. Наконец она расписалась в получении.

Мюзен не поскупился на добрые советы и рекомендации, после чего вложил деньги в крафтовый конверт и с удовлетворенным видом протянул ей.

– Молодая дама, столь хрупкая, как вы, – и одна на улице с такой суммой... я не должен бы позволять вам... Это так неосторожно...

«Хрупкая, как вы!» Нет, это просто уму непостижимо!

Она берет конверт. Он очень толстый. Не совсем понимая, что делать, она записывает конверт во внутренний карман куртки. Мюзен с сомнением на нее поглядывает.

– Понимаете, там такси, – лепечет она. – Водитель ждет и наверняка уже нервничает... Я потом все уберу...

– Разумеется, – роняет Мюзен.

Она направилась к двери.

– Подождите!

Она обернулась, готовая ударить, но увидела, что он улыбается.

– После закрытия выходить нужно там.

Он показывает на дверь у него за спиной.

Она следует за ним в глубь помещения. Очень узкий коридор и в конце – выход. Он возится с замками, бронированная дверь приоткрывается, но не до конца. Типчик стоит прямо на дороге. И занимает почти весь проход.

– Ну вот... – говорит он.

– Я вам так благодарна...

Она не понимает, что теперь делать. Тип по-прежнему стоит перед ней улыбаясь.

– И куда вы направляетесь?.. Если не секрет.

Быстро придумать ответ, не важно какой. Она чувствует, что слишком долго размышляет, ведь ответ должен быть готов, но ей ничего не приходит в голову.

– На юг...

Ее куртка распахнута. Когда она убирала банкноты, то наполовину расстегнула молнию. Мюзен разглядывает ее шею и продолжает улыбаться.

– На юг... Там хорошо, на юге...

В этот момент он протягивает руку и осторожно записывает поглубже конверт с банкнотами, уголок которого виднеется из-под ворота куртки. На мгновение его рука касается ее груди. Он ничего не говорит, но не спешит убрать руку. Ее нестерпимо, просто нестерпимо тянет вцепиться ему в щеку, но нечто властное, вселяющее ужас заставляет ее сдержаться. Страх. Ей даже приходит в голову, что он мог бы прямо здесь начать ее тискать, а она, замерев, как мышь, и не подумала бы сопротивляться. Ей нужны эти деньги. Неужели это так заметно?

– Н-да, – продолжает Мюзен, – на юге совсем неплохо...

Рука его уже вынырнула, теперь он мягко поглаживает ее куртку.

– Я очень спешу... – Она выговорила это, отступая впра-

во, к двери.

– Понимаю, – кивает Мюзен, слегка посторонившись.

Она протискивается к выходу.

– Что ж, приятной поездки, мадам Дюге. И... до скорого?

Он долго жмет ей руку.

– Спасибо.

Она выскочила на тротуар.

Пережитый страх перед ловушкой, в которую она попала, страх не выбраться, оказаться в полной зависимости от этого банковского кретина, вылился в волну ярости, которая затопила ее целиком. Теперь, когда она выбралась наружу и все кончилось, она бы с наслаждением разбила ему голову о стену, этому придурку. Пока она бежала к такси, она продолжала ощущать его прикосновение и почти физическое облегчение от картины, как она хватает его за оба уха и бьет головой об стену. Потому что именно башка этого придурка была ей особенно противна. Ярость клокочет в ней... Вот она хватает его за уши и бьет затылком об стену. Голова отскакивает с ужасным звуком, глухим и глубоким, этот тип смотрит на нее, как если бы на него внезапно обрушилась вся абсурдность мира, но на смену этому выражению приходит гримаса боли, она бьет его об стену три раза, четыре, пять, десять, и гримаса постепенно сменяется неподвижным, застывшим оскалом, остекленевшие глаза смотрят в пустоту. Она с облегчением останавливается, руки ее в крови, которая льется из его ушей. У него мертвые глаза,

глядящие в одну точку, как в кино.

Лицо Лео появилось перед ней, но у него глаза по-настоящему мертвые. Совсем не такие, как в кино.

Голова закружилась.

5

– Ну так что дальше?

Она подняла глаза. Перед ней такси, она застыла рядом.

– Что-то не так?.. Вам хоть плохо не станет, надеюсь?

Нет, все будет нормально, залезай в такси, Софи, и сматывайся скорее. Успокойся, все в порядке. Это от усталости, тебе здорово досталось, все образуется, сосредоточься.

Во время всей поездки водитель постоянно поглядывал на Софи в зеркальце. Она пыталась прийти в себя, разглядывая проплывающие за окном виды, которые и без того были ей отлично знакомы: площадь Республики, набережные Сены, а там, вдалеке, Аустерлицкий мост. Наконец она задышала. Сердце забилось ровнее. Прежде всего необходимо успокоиться, посмотреть на все со стороны, подумать.

Такси добралось до Лионского вокзала. Когда она рассчитывалась, стоя у передней дверцы, шофер снова в упор посмотрел на нее – с беспокойством, любопытством, страхом, а может, со всем вместе, но и с облегчением тоже. Он сунул деньги в карман и отъехал. Софи подняла чемодан и направилась к табло отправления поездов.

Хотелось курить. Она лихорадочно пошарила в карманах. Хотелось ужасно, но искать времени не было. В табачном магазинчике перед ней три человека. Наконец она просит пачку, нет, две, продавщица поворачивается, достает две пачки, кладет на прилавок.

– Нет, три...

– Ну так сколько – одну, две, три?

– Блок.

– Точно?

– Не цепляйтесь ко мне! И зажигалку.

– Какую?

– Все равно, любую!

Она нервно хватается блок, роется в карманах, достает деньги, руки у нее так трясутся, что все падает на стопку журналов у прилавка. Она бросает взгляд назад, потом по сторонам, подбирая купюры по пятьдесят евро, рассовывает их по всем карманам, нет, так нельзя, Софи, так совсем нельзя. Какая-то парочка ее разглядывает. А рядом смущенный толстяк пытается отвести глаза, делая вид, что смотрит в другую сторону.

Она вышла из табачного магазинчика с блоком сигарет под мышкой. Взгляд упал на красные буквы плаката, призывающего остерегаться карманников... Что теперь делать? Дай она себе волю, заорала бы во все горло, но тут на нее нахлынуло очень странное, почти успокаивающее чувство, которое ей предстояло еще не раз испытать, – так в самой серд-

цевине великих детских страхов из глубины тоски и ужаса всплывает зыбкая, но неколебимая уверенность, что все вокруг не такое уж настоящее, что по ту сторону страхов существует защита, и там, в непонятном далеке, нечто неизвестное оберегает вас... Образ отца возник на краткое мгновение и исчез.

Волшебство защитного рефлекса.

В глубине души Софи прекрасно понимает, что это совершенно ребяческая попытка обрести спокойствие, и только.

Надо найти туалет, привести в порядок волосы и мысли, сложить и убрать деньги, решить, куда она едет, каков ее план, – вот что надо делать. И прикурить сигарету, немедленно.

Она надорвала упаковку блока, три пачки упали на землю. Софи подняла их, положила куртку и блок на чемодан, кроме одной пачки, которую тут же распечатала. Вытянула сигарету, прикурила. Волна блаженства омыла живот. Первая секунда счастья за целую вечность. Почти сразу же волна докатилась до головы. Она прикрыла глаза, чтобы собраться с мыслями, и через несколько мгновений ей стало лучше. Вот так, две-три минуты на сигарету, и словно мир и покой вернулись. Она курила, зажмурившись. После чего затушила сигарету, запихнула блок в чемодан и направилась к кафе напротив перрона, откуда отходили поезда.

Над ней «Голубой поезд»¹ с огромной полукруглой лест-

¹ «Голубой поезд» – знаменитый ресторан, построенный по случаю Всемирной

ницей, а за его стеклянными дверями – залы с головокружительными потолками, белые скатерти на столах, ресторанный гомон, серебряные приборы, пошлые фрески на стенах. Однажды они были здесь с Венсаном, давным-давно... Все это так далеко.

Она заметила свободный столик на террасе под тентом. Заказала кофе, спросила, где туалет. Оставлять здесь чемодан не хотелось. Но не потащишь же его в туалет... Она огляделась вокруг. Справа одна женщина, слева другая. В таких случаях женщины – самое надежное. Та, что справа, приблизительно ее возраста; курит сигарету, листая журнал. Софи выбрала ту, что слева, постарше, поплотнее, более уверенную в себе; она жестом указала на чемодан, но на лице ее отражались столь противоречивые чувства, что она и сама не знала, правильно ли ее поняли. Однако взгляд женщины вроде бы означал: «Ступайте, я здесь». Легкая улыбка, первая за тысячелетия. Что до улыбки, то здесь тоже лучше иметь дело с женщинами. Она не прикоснулась к кофе. Спустилась по ступенькам, не пожелала взглянуть на свое отражение в зеркале, направившись прямоком в кабинку, закрыла дверь, спустила джинсы и трусики, уселась, уперлась локтями в колени и заплакала.

На выходе из кабинки в зеркале ее встретило собствен-

выставки 1900 г. в стиле «прекрасной эпохи». Назывался «Буфетом Лионского вокзала», в 1963 г. был переименован в память о легендарном «Голубом поезде», курсировавшем между Кале и Лазурным Берегом.

ное лицо. Опустошенное. С ума сойти, до какой степени она чувствовала себя старой и потасканной. Помыла руки, смочила лоб. Ну и усталость... Подняться обратно, выпить кофе, выкурить сигарету и подумать. Не впадать больше в панику, теперь уже вести себя осмотрительно, все анализировать. Легко сказать.

Она поднялась по лестнице обратно. Вышла на террасу, и перед ней мгновенно предстала катастрофа во всем своем размахе. Чемодан исчез, женщина тоже. Софи взревела: «Черт!» – и принялась яростно быть кулаком по столу. Чашка с кофе опрокинулась, разбилась, все взгляды обратились на нее. Она повернулась ко второй женщине, той, что сидела за столиком справа. И в ту же секунду, по едва уловимому признаку, по тени во взгляде поняла, что та все видела, но не стала вмешиваться, и слова не сказала, и бровью не повела, ничего.

– Вы, разумеется, ничего не видели!..

Женщине под тридцать, она вся какая-то серая с головы до пят, лицо грустное. Софи подходит ближе. Утирает слезы тыльной стороной ладони.

– Ты ничего не видела, стерва!

И дает ей пощечину. Крики, официант кидается к ним, женщина держится за щеку и молча плачет. Все сгрудились вокруг, чтобы узнать, что происходит, и вот Софи уже в центре циклона, официант хватается ее за руки и кричит: «Успокойтесь, или я позову полицию!» Она высвобождается

движением плеч и пускается бежать, официант орет, бежит за ней, толпа за ними, десять метров, двадцать метров, она не знает, куда дальше, рука официанта властно опускается на ее плечо.

– Заплатите за кофе! – рыкает он.

Она оборачивается. Тот возбужденно смотрит на нее. Их взгляды сталкиваются – схватка характеров. Он мужчина. Софи чувствует, что свою победу он не упустит, вон как распалился. Она достает пресловутый конверт, в котором только крупные купюры, пачки сигарет падают, она их подбирает, вокруг собралась толпа, она глубоко дышит, шмыгая носом, снова пытается утереть слезы тыльной стороной ладони, достает купюру в пятьдесят евро, сует ее официанту. Они стоят посреди вокзала, вокруг – кольцо зевак и пассажиров, привлеченных происшествием. Официант сует руку в карман фартука, чтобы выдать сдачу, и по намеренной медлительности его движений Софи чувствует, что он переживает минуту своей славы. Он тянет и тянет до бесконечности, не обращая внимания на окружающих, полностью сосредоточенный, как если бы публики не существовало, а он пребывал в своей естественной роли – роли невозмутимой власти. Софи чувствует, что ее нервы на пределе. Руки зудят. Кажется, вокруг них собрался весь вокзал. Официант скрупулезно отсчитывает сдачу с пятидесяти, выкладывая каждую банкноту и каждую монету на ее дрожащую протянутую ладонь. Софи видит только его седеющую макушку с капель-

ками пота у корней редких волос. Ее мутит.

Софи берет сдачу, поворачивается и проходит сквозь толпу зевак, совершенно потерянная.

Идет. Ей кажется, что она спотыкается, но нет, шагает прямо, просто смертельно устала. Рядом голос:

– Помочь, что ли?

Звук низкий, глухой.

Софи оборачивается. Господи, какое убожество. Рядом с ней пьянчужка, жалкий до невозможности, бомж с большой буквы.

– Нет, все нормально, спасибо... – бросает она.

И двигается дальше.

– Да ладно, чего там стесняться! Все мы в одном дерь...

– Отвали и не лезь ко мне!

Субъект немедленно ретировался, бормоча под нос нечто, чего Софи предпочла не расслышать. Может, ты не права, Софи. Может, прав он, и, как ни пыжься, ты действительно до этого докатилась, ты – бомж.

«Что там было, в твоём чемодане? Шмотки, всякое барахло, главное – деньги».

Она судорожно порылась в карманах и облегченно вздохнула: документы при ней и деньги тоже. Главное спасено. Значит, нужно еще раз подумать. Вышла из вокзала на солнце. Перед ней выстроились кафе, ресторанчики, повсюду пассажиры, такси, машины, автобусы. А прямо перед носом – невысокий бетонный парапет, материальное воплоще-

ние очереди на такси. Несколько человек сидели на нем, кое-кто читал, мужчина с очень деловым видом говорил по телефону, держа на коленях еженедельник. Она подошла, тоже уселась, достала сигареты и закурила, прикрыв глаза. Сосредоточиться. Внезапно она подумала о своем мобильнике. Они поставят его на прослушку, увидят, что она пыталась дозвониться в квартиру Жерве. Она открыла крышечку аппарата, лихорадочно извлекла СИМ-карту и бросила ее в водосток. Да и сам телефон нужно выбросить.

На Лионский вокзал она приехала чисто рефлекторно. Зачем? Чтобы поехать куда? Загадка... Она попыталась разобраться. Ну да, теперь вспомнила: Марсель, точно, они ездили туда с Венсаном, давным-давно. Хохоча, они ввалились в гостиницу рядом со Старым портом, на редкость отвратную, но никакая другая не попалась по дороге, а им не терпелось зарыться в простыни. Когда субъект за стойкой администратора спросил их имена, Венсан ответил: «Стефан Цвейг» – потому что в то время это был их любимый писатель. Пришлось диктовать по буквам. Администратор поинтересовался, не поляки ли они, и Венсан сказал: «Австрийцы. По происхождению...» Они остановились там на одну ночь, инкогнито, под выдуманнным именем, вот почему... Эта мысль потрясла ее: инстинкт направлял ее туда, где она уже бывала, в Марсель или в другое место, не важно, лишь бы оно было хоть немного знакомым, потому что так спокойнее, но именно этого от нее и будут ждать. Ее будут

искать там, где она вероятнее всего объявится, а как раз этого делать нельзя. С данного момента, Софи, ты выкинешь из головы все привычные ориентиры, если хочешь выжить. Включи воображение. Делай то, чего никогда не делала, иди туда, где тебя не ждут. Внезапно мысль о том, что она больше не сможет поехать к отцу, вогнала ее в панику. Они не виделись больше полугода, а теперь это направление стало для нее запретным. За его домом наверняка следят и телефон тоже прослушивают. Перед ее глазами предстала знакомая фигура старика, неизменно высокая и крепкая, словно вырубленная из дуба – такого же старого, такого же прочного. Софи выбрала Венсана по тому же принципу: высокий, спокойный, невозмутимый. Ей будет этого не хватать. Когда после смерти Венсана все рухнуло и от ее жизни остались одни развалины, отец был тем единственным, что уцелело. Она больше не сможет ни повидаться с ним, ни поговорить. Совсем одна на свете, как если бы он тоже умер. Ей никак не удалось представить себе мир, в котором ее отец существует и живет где-то там, но она не может ни увидеть, ни услышать его. Как если бы умерла она сама.

От подобной перспективы у нее закружилась голова, словно она безвозвратно вступала в другой, враждебный мир, где каждый шаг был сопряжен с риском и о любом спонтанном поступке следовало забыть: поступать придется каждый раз по-новому. Она больше нигде и никогда не будет в безопасности, нет и не будет места, где она смогла бы назваться сво-

им настоящим именем, отныне Софи – никто, всего лишь беглянка, существо, ежесекундно умирающее от страха, да, ей предстоит животное существование, нацеленное исключительно на выживание, нечто прямо обратное жизни.

Ее охватила усталость, граничащая с полным бессилием. а стоит ли игра свеч? Во что теперь превратится ее жизнь? Вечные метания, ни секунды покоя... И рано или поздно – неизбежный провал, такая борьба ей не под силу. По натуре она не беглянка, а всего лишь преступница. Ничего у нее не получится. Тебя поймают без особого труда... У нее вырвался долгий вздох облегчения: сдаться, пойти в полицию, рассказать всю правду... что она ничего не помнит... что все случившееся и должно было однажды случиться, ведь в ней столько злобы, столько ненависти ко всему миру... Лучше бы все закончилось сейчас. Она не желает той жизни, что ее ждет. Но на что была похожа ее прежняя жизнь? Давно уже ни на что не похожа. А теперь она стоит перед выбором между двумя бесполезными существованиями... И она так устала... Повторяет: «Пусть все закончится». И впервые это решение кажется ей конкретным. «Я сдамся полиции», – и даже не удивилась тому, что заговорила как убийца. Ей понадобилось всего два года, чтобы стать сумасшедшей, всего одна ночь, чтобы вновь стать преступницей, и всего два часа, чтобы превратиться в загнанную женщину со всеми сопутствующими страхами, подозрениями, уловками, тревогами, попытками организовать и предвидеть, а теперь еще

и с соответствующей манерой выражаться. Второй раз в жизни ей пришлось осознать, как легко нормальная жизнь может в долю секунды обратиться в безумие, в смерть. Хватит. На этом все должно закончиться. Ее охватил блаженный покой. Даже страх, что ее запрут, который все это время и заставлял ее бежать, отступил. Психиатрическая больница теперь представлялась ей не адом, а чем-то вроде приемлемого выхода. Она затушила сигарету, прикурила следующую. Вот докурю и отправлюсь. Последняя сигарета, и сразу потом она позвонит, решено, наберет 17. Ведь так? 17? Теперь уже все равно, как-нибудь она сумеет объяснить, в чем дело. Все лучше, чем те часы, которые ей пришлось пережить. Что угодно, только не это безумие.

Она выпустила длинную-длинную струю дыма, выдохнув изо всех сил, и именно в этот момент услышала женский голос.

6

– Мне очень жаль...

Перед ней стояла девушка в сером, нервно сжимая сумочку и пытаясь выдавить подобие улыбки. Софи даже не удивилась.

Секунду она смотрела на нее.

– Да ладно уж, – сказала она, – проехали. Бывают такие дни.

– Мне очень жаль, – повторила девица.

– Вы тут ничего поделывать не можете, так что забудьте.

Но недотепа так и осталась стоять столбом. Софи первый раз взгляделась в нее по-настоящему. Не такая уж уродина, но грустная. Лет тридцати, вытянутое лицо, тонкие черты, живые глаза.

– Чем я могу помочь?

– Вернуть мне мой чемодан! Вот это было бы неплохо – вернуть мне чемодан. – Софи встала и взяла девушку за руку. – У меня нервы на взводе. Не обращайтесь внимания. А теперь мне пора ехать.

– Там были ценные вещи?

Софи обернулась.

– Я хочу сказать... В чемодане были ценные вещи?

– Достаточно ценные, чтобы хотелось их вернуть.

– Что вы будете делать?

Хороший вопрос. Любой другой ответил бы: вернусь домой. Но Софи выжата до дна, ей нечего сказать и некуда ехать.

– Угостить вас кофе?

Девушка смотрела со странной настойчивостью. Это уже не предложение, скорее мольба. Сама не понимая почему, Софи просто ответила:

– Ну, терять мне особо нечего...

Ресторанчик прямо напротив вокзала.

Наверное, из-за солнца девушка сразу направилась к тер-

расе, но Софи потянула ее в глубь зала, вскользь заметив: «Не люблю выставляться». Девушка вернула ей улыбку.

Они не знали, о чем говорить, и просто ждали, пока принесут кофе.

– Вы приехали или уезжаете?

– А? Я приехала. Из Лилля.

– На Лионский вокзал?

Плохое начало. Софи вдруг охватило желание бросить девицу здесь вместе с ее запоздалым раскаянием и видом побитой собаки.

– Я сделала пересадку... – Пришлось импровизировать. И она продолжила: – А вы?

– Нет, я никуда не еду. – Девица замялась и решила сменить тему: – Я живу здесь. Я Вероника.

– Я тоже, – отозвалась Софи.

– Вас тоже зовут Вероникой?

Софи поняла, что все куда сложнее, чем ей представлялось: она не успела подготовиться к такого рода вопросам, придется выдумывать на ходу. Что требует определенного настроения.

Она неопределенно махнула рукой в знак согласия, что могло относиться к чему угодно.

– Забавно, – сказала девушка.

– Бывает...

Софи прикурила сигарету, протянула пачку. Та не без изящества зажгла свою. Поразительно, насколько эта девица, за-

мотанная в серый балахон, выглядела совсем по-другому, если приглядеться к ней поближе.

– Чем вы занимаетесь? – спросила Софи. – По жизни...

– Я переводчица. А вы?

За несколько минут разговора Софи придумала себе новую жизнь. Вначале было немного страшно, но в конце концов стало чем-то вроде игры, надо было только постоянно помнить о правилах. У нее вдруг появился необъятный выбор. И, однако, она поступила как те, кто, выиграв в лотерею, получают возможность начать совершенно иную жизнь, но покупают такой же домик, как у всех. Итак, теперь она Вероника, учительница рисования в лильском лицее, незамужняя, приехала на несколько дней повидать родителей, которые живут в парижском предместье.

– А что, в Лильской академии искусств каникулы? – спросила Вероника.

В этом вся проблема: слово за слово, и можно зайти слишком далеко.

– Я взяла отпуск. Мой отец болен. Ну... – она улыбнулась, – между нами говоря, не то чтобы действительно болен: просто мне захотелось на несколько дней в Париж. Наверное, мне должно быть стыдно...

– А где они живут? Я могла бы вас подвезти, я на машине.

– Не надо, я разберусь, правда не надо, спасибо...

– Мне это совсем не трудно.

– Очень мило с вашей стороны, но это совершенно лиш-

нее.

Она произнесла это непререкаемым тоном, и между ними снова повисло молчание.

– Они ждут вас? Может, вам надо им позвонить?

– О нет!

Слово вылетело слишком быстро: спокойно, держи себя в руках, не торопись, Софи, ты несешь черт-те что...

– На самом деле я должна была приехать только завтра утром...

– А, – сказала Вероника, гася сигарету. – Вы уже ели?

Вот это волновало ее в последнюю очередь.

– Нет.

Быстрый взгляд на настенные часы: 13:40.

– Тогда, может быть, я приглашу вас на обед? В качестве извинения... за чемодан... Я живу совсем рядом... Ничего особенного предложить не могу, но в холодильнике что-нибудь съестное найдется.

Вспомни, Софи: не делать ничего, как раньше. Идти туда, где никто не ждет.

– Почему бы и нет, – ответила она.

Они улыбнулись друг другу. Вероника расплатилась за кофе. На выходе Софи купила две пачки сигарет и пошла вслед за ней.

Бульвар Дидро. Респектабельный дом. Они шли рядышком, обмениваясь обычными банальностями. Едва добравшись до дома Вероники, Софи пожалела, что не отказалась.

Нужно было просто уйти. В данный момент ей бы следовало удаляться от Парижа в любом, самом маловероятном направлении. Она согласилась от слабости и усталости. Машинально она идет следом за Вероникой, они зашли в вестибюль здания, и Софи, как случайная посетительница, позволяет хозяйке вести себя. Лифт. Вероника нажала на кнопку пятого этажа, кабина затрещала, закрипела, закачалась, но все-таки поползла вверх и резко остановилась, встряхнув их напоследок. Вероника улыбнулась.

– Здесь не слишком уютно... – извинилась она, открывая сумочку в поисках ключей.

Не слишком уютно, но прямо с порога так и веет деньгами и прочным положением в обществе. Квартира большая, по-настоящему большая. Гостиная – сдвоенная комната с двумя окнами. Справа салон с рыжеватыми кожаными креслами, слева рояль, в глубине книжные полки...

– Входите, прошу вас...

Софи вошла как в музей. И сразу обстановка напомнила ей в уменьшенном размере квартиру на улице Мольера, где в этот самый момент...

Машинально она оглянулась, ища часы, и обнаружила их – маленькие позолоченные часы на полке углового камина, стрелки показывали 13:50.

Едва зайдя в дом, Вероника устремилась на кухню, неожиданно оживившись до торопливости. Софи слышала ее голос и рассеянно отвечала, оглядываясь вокруг. Взгляд сно-

ва задержался на каминных часах. Минутная стрелка застыла. Она глубоко задышала. Следи за своими словами, вовремя бормочи «Да, разумеется...» и постарайся собраться с мыслями. Она словно просыпалась после бурной ночи в незнакомом месте. Вероника суежилась, что-то быстро говорила, открывала шкафчики, включила микроволновку, хлопала дверцей холодильника, накрывала на стол. Софи спросила:

– Может, помочь вам?..

– Нет-нет, – отказалась Вероника.

Идеальная хозяйка. За несколько минут на столе появились салат, вино, почти свежий хлеб («вчерашний...», «ничего, все отлично...»), который она принялась нарезать специальным ножом.

– Значит, вы переводчица...

Софи попыталась найти тему для беседы. Но это уже не имело значения. Оказавшись у себя дома, Вероника разговаривалась:

– С английского и русского. Моя мать русская, так что мне легче!

– А что вы переводите? Романы?

– Очень бы хотелось, но больше приходится работать с техническими материалами: письма, брошюры и все такое.

Разговор шел своим извилистым путем; говорили о работе, семье. Софи придумывала себе знакомых, коллег, родных, прекрасную новую жизнь, стараясь держаться как мож-

но дальше от действительности.

– А ваши родители где живут? – спросила Вероника.

– В Шийи-Мазарене.

Название вылетело само собой, она и не знала, откуда оно взялось.

– А чем они занимаются?

– Пенсионеры.

Вероника открыла вино и подала овощное фрикасе со шпигом.

– Должна предупредить, это из замороженного полуфабриката...

Софи неожиданно обнаружила, что проголодалась. Она все ела и ела. От вина по телу разливалась приятная расслабленность. К счастью, Вероника оказалась достаточно болтлива. Она касалась только общих мест, но обладала даром вести разговор, сочетая рассуждения о пустяках и всякие истории. Не прекращая есть, Софи выхватывала обрывки информации о ее родителях, учебе, младшем брате, поездке в Шотландию... В конце концов поток иссяк.

– Замужем? – спросила Вероника, кивнув на руку Софи.

Заминка.

– Уже нет.

– Но кольцо все-таки не сняли?

Не забыть бы снять. Софи пустилась в очередную импровизацию:

– Привычка, наверное. А вы?

– Хотела б я иметь такую привычку.

Она ответила со смущенной улыбкой, которая взывала к женской солидарности. При других обстоятельствах – возможно, сказала себе Софи. Но не сейчас...

– Ну и?..

– Может, в другой раз, я так думаю.

Она принесла сыр. Не похоже на человека, который не знает, что у него в холодильнике...

– Значит, вы живете одна?

Вероника замялась:

– Да... – Она склонила голову над тарелкой, потом подняла ее и с легким вызовом посмотрела Софи в глаза. – С этого понедельника... Совсем недавно.

– А...

Уж если Софи и была в чем-то уверена, так это в том, что знать ничего не желает. И тем более влезать в чьи-то дела. Вот доест обед и уйдет. Ей нехорошо. Ей хочется уйти.

– Бывает, – неловко заметила она.

– Да, – кивнула Вероника.

Они поболтали еще немного, но в разговоре что-то разладилось. Между ними витала неурядица в личной жизни.

И тут зазвонил телефон.

Вероника повернула голову к коридору, как будто ждала, что звонивший войдет в комнату. Вздохнула. Один звонок, второй. Она извинилась, встала, направилась в коридор. Сняла трубку.

Софи допила бокал, налила еще вина, посмотрела в окно. Вероника прикрыла дверь, но ее приглушенный голос долетал до гостиной. Неловкая ситуация. Если бы та не стояла в коридоре, Софи взяла бы свою куртку и просто ушла, прямо сейчас, ничего не сказав, как воровка. Она различила несколько слов, машинально попыталась уловить суть разговора.

Голос Вероники был серьезен и тверд.

Софи встала, отошла на несколько шагов от двери, но это ничего не меняло, теперь уже глухой голос Вероники был различим, как если бы она разговаривала здесь, в гостиной. Это были ужасные слова банального разрыва. Жизнь девушки ее не интересовала («Все кончено, говорю тебе, все кончено»), Софи плевать на ее незадавшиеся любовные истории, она подошла к окну («Мы говорили об этом сотни раз, не надо начинать все сначала!»). Слева небольшой секретер. И тут у нее родилась мысль. Она прислушалась, чтобы понять, как развивается разговор. В данный момент они на стадии: «Оставь меня в покое, сколько тебя просить!» – следовательно, еще немного времени есть; она тихонько открыла центральную панель секретера и увидела в глубине два ряда ящичков. «Все эти разговоры на меня не действуют, уверяю тебя...» Во втором из них обнаружили банкноты по двести евро, не очень много. Она насчитала четыре. Продолжая шарить дальше, запихнула их в карман. Ее рука («И ты думаешь, что я растаю?») натолкнулась на твердую обложку пас-

порта. Она открыла его, но решила отложить подробное изучение на потом. Убрала в карман и его. Следующей ей попалась начатая чековая книжка. Времени осталось, только чтобы добраться до дивана и переложить все во внутренний карман куртки, и вот мы уже на стадии «Жалкий тип!». Потом слышится «Неудачник!», и наконец «Ничтожество!».

Трубка с грохотом вешается. Пауза. Вероника все еще в коридоре. Софи постаралась принять соответствующее выражение лица; рука покоится на куртке.

Наконец Вероника вернулась. Неловко извинилась, попытавшись улыбнуться:

– Мне очень жаль, вам, наверное... Мне очень жаль...

– Ничего страшного... – откликнулась Софи. – Мне, наверное, пора.

– Нет-нет, – возразила Вероника. – Сейчас приготовлю кофе.

– Я лучше пойду...

– Но это же минутное дело, уверяю вас! – Вероника утерла глаза тыльной стороной ладони, опять попыталась улыбнуться. – Так глупо...

Софи дала себе еще четверть часа, потом она уйдет, что бы та ни придумывала.

Из кухни Вероника завела:

– Он мне уже три дня названивает. Я все перепробовала, телефон отключала, но с моей работой это не всегда возможно, а если просто не подходить, звонки так на нервы действу-

ют. Поэтому я иногда выхожу выпить кофе... Рано или поздно ему надоест, но он странный тип. Из тех, кто как вцепится...

Она поставила чашки на низкий столик в гостиной.

Софи поняла, что переборщила с вином. Вокруг нее все вдруг медленно закружилось, просторная квартира, Вероника – все слилось, потом выплыло лицо Лео, часы на каминной полке, бутылка из-под вина на столе, детская комната, какой она ее застала, когда вошла, с комом простыней на кровати, хлопающие дверцы шкафа и тишина, когда она испугалась. Предметы пляшут перед глазами, всплывает паспорт, который она прячет в карман куртки. Ее затопила волна, все постепенно тускнело, растворяясь в черноте. Откуда-то издалека донесся голос Вероники, он повторял: «Вам нехорошо?» – но звук долетал из глубины колодца, отдаваясь эхом, Софи почувствовала, как ее тело обмякло, расплылось, и внезапно все потухло.

Еще одна сцена, которая навсегда врезалась в память. И сегодня она могла бы нарисовать каждый предмет обстановки, каждую деталь, вплоть до узоров на обоях в гостиной.

Она лежит, вытянувшись на диване, одна нога свисает, касаясь пола, ладонью она трет глаза, пытаясь обрести хоть тень сознания, приоткрывает их на секунду и чувствует, как что-то в ней сопротивляется, не желая просыпаться, стремясь укрыться там, во сне, вне мира. С сегодняшнего утра

она так вымоталась, столько всего произошло... Наконец она приподнимается на локте, поворачивается и медленно открывает глаза.

Прямо у ножки стола в луже крови распростерто тело Вероники.

Первым ее движением было выпустить кухонный нож, который она сжимает в руке, и тот с мрачным стуком падает на паркет.

Как во сне. Она встала, споткнулась. Машинально попыталась вытереть правую руку о брюки, но кровь уже засохла. Нога поскользнулась в луже, которая медленно растекалась по паркету, и она в последний момент вцепилась в угол стола. Секунду постояла, покачиваясь. На самом деле она пьяна. Не отдавая себе отчета в том, что делает, схватила куртку и потащила ее за собой, как поводок. Как шнур лампы. Опираясь о стены, дошла до коридора. Там ее сумка. Слезы опять залили глаза, она шмыгнула носом. И плюхнулась на пол. Закрыла лицо руками, на которых болталась куртка. Странное ощущение на лице, и она подняла голову. Куртка валялась в крови, а она вытерла ею щеки... Не забудь вымыть лицо, прежде чем выйдешь на улицу, Софи. Вставай.

Но силы в ней иссякли. Все, с нее хватит. На этот раз она легла ничком на пол, прижимаясь головой к входной двери, готовая погрузиться в сон, готовая на что угодно, лишь бы не принимать эту действительность. Закрыла глаза. И вдруг будто невидимые руки взяли ее за плечи и подняли... До се-

го дня она не может объяснить, что же произошло, но внезапно оказалось, что она сидит. А потом – стоит. Пошатывается, но стоит. Она почувствовала, как в ней поднялась дикая решимость, нечто почти животное. Направилась в гостиную. С этого места ей были видны только ноги Вероники, наполовину скрытые столом. Она подошла ближе. Тело лежало на боку, лица за плечом не разглядеть. Софи подошла еще ближе, склонилась: вся блузка почернела от крови. В середине живота, там, куда вошел нож, открытая рана. В квартире тихо. Она дошла до спальни. Это усилие стоило ей всей энергии, которая еще оставалась, и она присела на край кровати. Одна из стен была полностью закрыта шкафами. Упираясь руками в колени, Софи с трудом поднялась и открыла первый попавшийся. Содержимого хватило бы, чтобы одеть целый сиротский приют. Все вещи приблизительно одного размера. Софи открыла другую дверцу, потом третью, наконец нашла чемодан, который и бросила распахнутым на кровать. Она брала платья, потому что не было времени выбирать, что подойдет к юбкам. Взяла три пары поношенных джинсов. Движение вернуло ее к жизни. Даже не раздумывая, она выбирала то, что ей было менее всего привычно. За следующей дверцей она обнаружила ящики с нижним бельем. Бросила пригоршню в чемодан. Что до обуви, она с первого взгляда увидела, что тут представлен полный выбор от самой унылой до самой уродливой. Взяла две пары туфель и пару кроссовок. Потом села на чемодан,

чтобы закрыть его, дотащила до входной двери и поставила рядом со своей сумкой. В ванной она вымыла щеки, не глядя на свое отражение. В зеркале заметила правый манжет своей куртки, почерневший от крови, и тут же сдернула ее с себя, словно та была в огне. Вернувшись в спальню, снова открыла шкаф, постояла четыре секунды, прежде чем выбрать куртку, остановилась на однотонной синей. Задержалась, только чтобы переложить все, что было в карманах, и вот уже замерла у входной двери, прижавшись ухом к створке.

Она и сейчас видит себя. Вот она тихонько открывает дверь, одной рукой хватая чемодан, в другой держит сумку, не спеша спускается по лестнице с замирающим сердцем, без следа слез на лице, с трудом переводя дух. Господи, какой же тяжелый чемодан! Наверняка она просто устала. Еще несколько шагов, и вот она толкает дверь подъезда, выходящего на бульвар Дидро, и сразу же сворачивает налево, оставляя вокзал за спиной.

7

Она положила на бортик раковины паспорт, открытый на странице с фотографией, и посмотрела на себя в зеркало. Глаза перебегают туда и обратно. Взяла паспорт в руки иглянула на дату выдачи: 1993. Достаточно давно, может получиться. Вероника Фабр, родилась 11 февраля 1970-го. Разница небольшая. В Шевро. Она не имела ни малейшего пред-

ставления, где этот Шевро находится. Может, в Центральной Франции? Ни сном ни духом. Надо будет выяснить.

Переводчица. Вероника говорила, что она переводила с русского и английского. Софи и иностранные языки... Немного английского, совсем чуть-чуть испанского, и все это теперь так далеко. Если ей придется доказывать свою профессиональную принадлежность, на этом все и кончится, но она не очень представляла, с какой стати такая катастрофа могла приключиться. Придумать какие-нибудь невероятные языки, вроде литовского? Или латышского?

На фотографии, кстати, совершенно безличной, обычная женщина – короткие волосы, заурядные черты. Софи посмотрела на себя в зеркало. Лоб у нее побольше, нос пошире, да и взгляд совсем другой... Но кое-что можно подправить. Она наклонилась, открыла пластиковый пакет и достала все, что купила в универмаге «Монопри» на бульваре: ножницы, набор косметики, темные очки и краску для волос. Последний взгляд в зеркало. И она принялась за работу.

8

Она попыталась прочесть свою судьбу. Поставив чемодан рядом, она разглядывала табло с расписанием поездов, вчитываясь в пункты назначения, время отправления и номера путей. Стоило ошибиться с пунктом назначения, и все могло пойти прахом. На первом перегоне следовало избегать вы-

сокоскоростных поездов, потому что там ты заперт на всю поездку. Подыскать достаточно многолюдный город, в котором можно без труда затеряться. Взять билет до конечной станции, но выйти раньше на случай, если служащий в кассе вспомнит, куда она брала билет. Она сгребла кучу буклетов и на круглом столике вокзального буфета разработала хитроумный маршрут, который должен был привести ее из Парижа в Гренобль. Путешествие будет долгим, хватит времени передохнуть.

У билетных автоматов настоящая давка. Она проходит вдоль стойки, за которой работают кассиры. На случай полагаться нельзя, выбирать надо самой. Никаких женщин – говорят, они более наблюдательны. Слишком молодой человек тоже не подходит – есть риск немного ему понравиться, и тогда он ее вспомнит. Она нашла свое счастье в самом конце стойки и встала в очередь. По принятым правилам, каждый направлялся к первому освободившемуся окошку. Придется что-нибудь придумать, чтобы попасть к намеченной цели.

Она сняла темные очки. Лучше было бы сделать это раньше, чтобы не привлекать внимание. Теперь об этом постоянно придется помнить. Народу много, но ее очередь подошла чуть раньше, чем нужно, поэтому она отвернулась, сделав вид, что не заметила, как какая-то проныра пролезла вперед, и в результате оказалась именно у того окошка, которое наметила. У преступников тоже есть свой бог-покровитель. Она постаралась придать голосу твердость, притвори-

лась, что роется в сумке, когда спрашивала билет до Гренобля на 18:30.

– Сейчас посмотрю, остались ли еще места, – ответил служащий и застучал по клавиатуре.

Об этом она не подумала. Теперь она не могла ни поменять пункт назначения, ни отказаться от билета – это осталось бы в памяти кассира, который в данный момент вглядывался в экран, дожидаясь ответа центральной службы. Она не знала, что делать, подумала, не повернуться ли и уйти – на другой вокзал, чтобы уехать в другое место.

– Сожалею, – ответил наконец кассир, впервые глянув на нее, – но на этот поезд мест нет.

Он набрал что-то на клавиатуре.

– Остались места на двадцать сорок пять...

– Нет, спасибо... – Она ответила слишком быстро. Попыталась улыбнуться: – Я подумаю...

Почувствовала, что все обернулось неправильно. Она сказала нечто, не заслуживающее доверия, не то, что сказала бы в подобном случае обычная пассажирка, но ничего другого ей просто не пришло в голову. Прочь отсюда, немедленно. Она взялась за сумку. Следующий пассажир уже стоял за ней и ждал, пока она освободит место, нельзя терять времени, она повернулась и ушла.

Теперь предстояло подыскать другое окошко, другое направление, а заодно и другую стратегию: спросить так, чтобы была возможность выбрать без колебаний. Несмотря на про-

веденный ею тщательный отбор, Софи леденила мысль, что кассир мог ее запомнить. В этот момент она заметила вывеску «Герц»² в вестибюле вокзала. На этот час ее собственное имя уже известно и объявлено в розыск, но не имя Вероники Фабр. Она могла расплатиться наличными или чеком. А машина означала мгновенную независимость, свободу передвижений, и эта мысль затмила все; она уже толкнула стеклянную дверь агентства.

Двадцать пять минут спустя недоверчивый работник агентства заставил ее внимательно осмотреть темно-синий «форд-фиесту», чтобы убедиться в его замечательном состоянии. Она ответила ему вымученной улыбкой. У нее было время подумать, и теперь она чувствовала прилив сил – впервые за последние десять часов. От нее, безусловно, ждут, что она постарается как можно быстрее выбраться из Парижа. В ближайшее время ее стратегия будет основана на двух решениях: сегодня вечером снять комнату в какой-нибудь гостинице в парижском предместье, а завтра купить новый номерной знак и инструменты, чтобы установить его на место старого.

Петляя по улицам парижского пригорода, она ощутила себя сравнительно свободной.

«Я жива», – подумала она.

К глазам снова подступили слезы.

² «Герц» – международная компания по прокату автомобилей.

КУДА ЖЕ ПОДЕВАЛАСЬ СОФИ ДЮГЕ?

«Ле Матен», 13.02.2003, 14:08

Специалисты были единогодушны, а прогнозы наших источников расходились не более чем на несколько часов: Софи Дюге будет задержана максимум в течение двух недель.

Однако прошло уже более восьми месяцев, а самая разыскиваемая во Франции женщина исчезла.

Официальные сообщения, многочисленные пресс-конференции и заявления сводились к тому, что уголовная полиция и Министерство юстиции перекладывали ответственность друг на друга.

Восстановим события.

28 мая этого года около полудня приходящая прислуга месье и мадам Жерве обнаружила тело шестилетнего Лео. Ребенок был задушен в своей постели парой иннурков от ботинок. Полицейские силы были немедленно приведены в боевую готовность. Почти сразу подозрение пало на его няню Софи Дюге, родом из Оверни, двадцати восьми лет, на чьем попечении был ребенок и которая бесследно исчезла. Первые же установленные факты указывали на виновность молодой женщины: квартира не была взломана, ма-

дам Жерве, мать ребенка, оставила Софи Дюге в квартире около 9 часов утра, полагая, что ребенок еще спит... вскрытие показало, что к этому времени он был давно уже мертв – его, безусловно, задушили ночью во сне.

Уголовная полиция возлагала большие надежды на то, что арест произойдет в кратчайшие сроки, поскольку это преступление вызвало волну возмущения. Широкое освещение данного дела в прессе было обусловлено и тем фактом, что малолетняя жертва оказалась сыном близкого сотрудника министра иностранных дел. Вспомним, что крайне правые в лице Паскаля Мариани, а также некоторые организации – часть из которых считается распущенными – воспользовались случаем, чтобы потребовать восстановления смертной казни за «особо циничные преступления», в чем их шумно поддержал депутат от правых Бернар Стросс.

По словам министра внутренних дел, у беглянки нет никаких шансов скрываться сколько-нибудь продолжительное время. Быстрая реакция полиции, безусловно, не позволила Софи Дюге покинуть территорию Франции. В аэропортах и на вокзалах принимаются повышенные меры безопасности. «В основе редких случаев успешного бегства лежат опыт и тщательная подготовка», – доверительно заверил комиссар Бернар из уголовной полиции, а молодая женщина располагала весьма ограниченными финансовыми средствами и не имела никаких связей, способных оказать ей

поддержку, за исключением ее отца, Патрика Овернея, архитектора на пенсии, немедленно взятого полицией под наблюдение.

По заявлению Министерства юстиции, этот арест был делом «нескольких дней». Министерство внутренних дел даже рискнуло прогнозировать максимум «восемь-десять дней». Более осторожная полиция говорила о «самое большее нескольких неделях...». На сегодняшний день прошло уже больше восьми месяцев.

Что же произошло? Никто не знает в точности. Но факт налицо: Софи Дюге буквально испарилась. С поразительной самонадеянностью молодая женщина покинула квартиру, где лежало тело маленького Лео. Она заехала к себе домой за документами и вещами, затем отправилась в банк, где сняла со счета практически все, чем располагала. Было установлено ее пребывание на Лионском вокзале, затем ее след теряется. Следователи уверены, что ни убийство ребенка, ни последующее бегство не были предумышленными. В таком случае способность Софи Дюге к импровизации дает основания для самой серьезной озабоченности.

В этом деле почти все остается загадкой. Например, неизвестны истинные мотивы молодой женщины. Правда, следователи выяснили тот факт, что она перенесла тяжёлую психологическую травму в связи с двумя последовавшими друг за другом потерями – матери, доктора Катрины Оверней, к которой она, по всей видимости, была очень

привязана, скончавшейся в феврале 2000 года от рака, а затем мужа, Венсана Дюге, инженера-химика тридцати одного года, который, будучи парализован в результате ДТП, в следующем году покончил с собой. Отец молодой женщины — и, как выясняется, единственная ее опора — скептически относится к этим предположениям, но отказывается говорить с прессой.

Это дело быстро превратилось в настоящую головоломку для властей. 30 мая, то есть через два дня после убийства маленького Лео, тело Вероники Фабр, тридцатидвухлетней переводчицы, было обнаружено в ее парижской квартире другом покойной Жаком Брюссе. Молодая женщина получила несколько ударов ножом в живот. Вскрытие незамедлительно показало, что преступление было совершено в тот день, когда Софи Дюге пустилась в бега, скорее всего, сразу после полудня. Анализ ДНК, изъятых с места преступления, подтвердил присутствие Софи Дюге в квартире жертвы. Вместе с тем молодая женщина, располагающая документами, украденными из квартиры Вероники Фабр, арендовала машину. Естественно, все взгляды обратились в сторону беглянки.

Подведем предварительные итоги: через два дня после того, как она пустилась в бега, молодая женщина подозревается уже в двух убийствах. Преследователи удваивают усилия, но безрезультатно...

Поиск свидетелей, наблюдение за всеми местами, где она

могла бы найти убежище, активизация осведомителей – на сегодняшний день все оказалось полезным, и мы вынуждены задаться вопросом, не удалось ли Софи Дюге покинуть пределы Франции... Полицейские и судебные власти незаметно перекалывают ответственность друг на друга, но без особого энтузиазма: похоже, успех этого побега обусловлен не техническими ошибками с той или иной стороны, а исключительно свирепой решимостью молодой женщины, тщательно продуманным планом (что противоречит первоначальной версии полиции) или же незаурядным даром импровизации. Префектура полиции отрицает, что обратилась к специалисту по кризисным ситуациям...

Сети расставлены, заверяют нас со всех сторон. Остается только ждать. В уголовной полиции скрестили пальцы в надежде, что следующие новости о Софи Дюге не будут сообщением о новом убийстве... Что касается прогнозов, то они более чем сдержанны. Специалисты колеблются между «завтра», «послезавтра» и «никогда».

10

Софи механически переставляла ноги, не двигая бедрами. Она шла по прямой, как заводная игрушка. После долгой ходьбы ритм ее движения замедлялся. Тогда она останавливалась, не важно где, потом снова пускалась в путь тем же механическим шагом.

За последнее время она заметно похудела. Ела она мало и что под руку попадалось. Много курила, плохо спала. Утром просыпалась резко, рывком садилась, ни о чем не думая, вытирала слезы с лица и прикуривала первую сигарету. Так все и шло уже давно. Так было и сегодня, утром 11 марта, как и во все иные дни. Софи жила в меблированной квартире далеко от центра. Она не привнесла в нее ни единого личного штриха. На стенах все те же потрепанные обои, тот же изношенный ковер на полу, тот же старый диван. Едва встав, она включила телевизор – допотопный аппарат, рябивший на всех каналах. Смотрит она его или нет (на самом деле она проводила перед экраном немало часов), телевизор всегда включен. У нее даже вошло в привычку, выходя из дома, отключать только звук. Поскольку возвращалась она иногда поздно, то с улицы могла видеть окна своей квартиры, подсвеченные синими мелькающими огоньками. Зайдя в квартиру, она первым делом включала звук. Часто она оставляла телевизор работать на всю ночь, надеясь, что даже во сне ее разум будет как-то связан с идущими передачами и это позволит ей избежать кошмаров. Напрасные усилия. Зато просыпалась она со смутным ощущением чьего-то присутствия: сначала ранние утренние прогнозы погоды, как раз когда после двухчасовой передышки сон покидал ее, потом «Телекот»³, за которым она могла следить часами как заморожен-

³ «Телекот» – французско-бельгийская детская серия пятиминутных телепередач.

ная, наконец, дневной выпуск новостей, когда она сознательно позволяла себе забытья.

Часа в два дня Софи отключила звук и вышла из дома. Спустилась по лестнице, прикурила сигарету, прежде чем толкнуть дверь подъезда, и, как обычно, засунула руки в карманы, чтобы скрыть непрерывную дрожь пальцев.

– Ты будешь шевелить задницей или тебе поддать?

Час пик. В забегаловке стоит гул, как в улье, целые семьи теснятся в очереди к стойке, кухонные испарения заполняют зал, официантки бегают, клиенты оставляют на столах подносы, в зале для курящих – с окурками, раздавленными в полистироловых лотках, – всюду перевернутые стаканчики из-под содовой, даже под столами. Софи не выпускает из рук половую тряпку. Клиенты перешагивают через нее, неся подносы, за спиной компания лицеистов поднимает дикий шум.

– Плюнь, – говорит Жанна, проходя мимо, – он просто жирный козел.

Жанна, тощая девица с лицом, напоминающим работы кубистов, – единственный человек, с которым у нее сложились хорошие отношения. Жирный козел вообще-то совсем не жирный. Ему лет тридцать. Высокий темный шатен, по вечерам занимающийся бодибилдингом, всегда при галстукке, как заведомо крупного магазина, он с особой придирчивостью относится к трем вещам: рабочим часам, зарплате и задницам официанток. В моменты наплыва посетителей он рулил своей бригадой с решительностью легионера, а по-

сле полудня щупал задницы наиболее терпеливых девушек – остальные с максимальной скоростью устремлялись к выходной двери. Дела у него в полном ажуре. Ни для кого не секрет, что он химичит с налогами, что гигиена здесь – понятие чисто абстрактное и что дело свое он любит по двум причинам: хороший выдался год или плохой, но он кладет в карман двадцать тысяч евро, полученных «по-черному», и трахает штук пятнадцать официанток, готовых на все, лишь бы получить или сохранить работу, которая по всем социальным нормам не дотягивает и до нижней планки. Размазывая тряпкой грязь по кафелю, Софи чувствует на себе его взгляд. Вообще-то он даже не смотрит. Он прикидывает – с видом человека, который может себе ее позволить, когда ему заблагорассудится. Его глаза ничего не скрывают. «Девушки» для него – вещи. Софи продолжает работать, размышляя, что скоро придется подыскивать другое место.

Здесь она проработала уже шесть недель. Он принял ее без каких-либо церемоний, сразу предложив практическое решение ее постоянной проблемы.

– Тебе нужно официально числиться или монету получать?

– Монету, – ответила Софи.

Он спросил:

– И как тебя звать?

– Джульетта.

– Джульетта так Джульетта.

Она заступила уже на следующий день без всякого трудового договора, и деньги получала налом; притом никогда сама не выбирала часы работы, иногда перерывы, которые ей оставались, были настолько неудобны, что она даже не успевала вернуться к себе, ее ставили в ночную смену гораздо чаще, чем других, и возвращалась домой она глубокой ночью. Софи делала вид, что ужасно мучается, но на самом деле ее это устраивало. Она нашла себе жилье на окраине, в конце бульвара, на котором с наступлением ночи выстраивались проститутки. Ее никто не знал в квартале, который она покидала рано утром, чтобы вернуться в такой час, когда все соседи сидят перед телевизорами или спят. В те вечера, когда ее смена заканчивалась слишком поздно и автобус уже не ходил, она позволяла себе такси. Она пользовалась перерывами, чтобы разведать местность, присмотреть другую квартиру, подыскать работу, где не будут задавать вопросов. Этот метод она взяла на вооружение с самого начала: устраивалась где-нибудь и тут же начинала поиск новой точки приземления, нового заработка, новой комнаты... Никогда не оставаться на месте. Вечное движение. Вначале перемещаться без документов казалось ей делом достаточно простым, хотя и утомительным. Спала она всегда очень мало, старательно меняла маршруты минимум два раза в неделю, где бы ни находилась. Волосы отросли, и она смогла поменять стрижку. Купила очки с простыми стеклами. Была внимательна к каждой мелочи. Регулярно переезжать. Она

уже сменила четыре города. И этот был не самым неприятным. Самым неприятным была работа.

Понедельник был особенно тяжелым днем: три неудобных перерыва и общая продолжительность работы более шестнадцати часов. Около одиннадцати, идя по улице, она решила присесть на несколько минут («И не дольше, Софи, максимум десять минут») на террасе и выпить кофе. У входа она взяла бесплатную газету с кричащей рекламой и прикурила сигарету. Небо начинало хмуриться. Прихлебывая кофе, она размышляла о наступающей неделе («Всегда опережать, всегда»). Рассеянно листала газету. Целые развороты были заняты рекламой мобильных телефонов, бесконечными объявлениями о продаже подержанных автомобилей... и вдруг она остановилась, поставила чашку, потушила сигарету, нервно зажгла другую. Закрыла глаза. «Это было бы слишком здорово, Софи, нет, подумай хорошенько».

Однако сколько она ни раздумывала... Это не просто, но прямо перед ее глазами, возможно, был реальный выход, окончательное решение – дорогое во многих отношениях, но ни с чем не сравнимое по надежности.

Последнее препятствие, и на этот раз серьезное, а потом все может перемениться.

Софи на долгие минуты погрузилась в размышления. Мысли неслись так стремительно, что в какой-то момент

она чуть не поддалась искушению и не начала записывать, но тут же себя одернула. Решила подумать несколько дней, и если в результате этот вариант все еще будет представляться ей подходящим, она приступит к действиям.

Впервые она нарушила правило – больше четверти часа оставалась на одном месте.

Заснуть Софи не удалось. Укрывшись у себя дома, она могла рискнуть и кое-что записать, чтобы прояснить для себя ситуацию. Теперь детали встали на место. Суть дела сводилась к пяти строчкам. Она прикурила новую сигарету, перечитала записи, потом сожгла их и выбросила пепел в мусоропровод. Итак, все зависело от двух условий: найти подходящего человека и достаточную сумму денег. Когда она куда-нибудь приезжала, первой ее заботой всегда было поместить в камеру хранения на вокзале чемодан со всем необходимым на случай бегства. Кроме одежды и всего, что может понадобиться для изменения внешности (краска для волос, очки, косметика и т. д.), в ее багаже хранилось одиннадцать тысяч евро. Но она представления не имела, сколько это будет стоить. А вдруг не хватит?

Как этот картонный домик сможет устоять? Чистое безумие, слишком многое зависит от случайности. Поразмыслив, она поняла, что на каждое техническое препятствие говорила себе «Должно получиться», но совокупность всех этих оговорок, каждая из которых сама по себе могла считаться незначительной, превращала ее план в нечто совершенно

нереальное.

Она научилась не доверять самой себе. Возможно, это лучшее, что она могла сделать. Глубоко вдохнув, она поискала сигареты и обнаружила, что у нее осталась всего одна. На часах 07:30. А на работу ей только к 11 часам.

Ближе к 23 часам ее смена в кафе закончилась. После полудня прошел дождь, но вечер был хороший, свежий. Она знала, что в это время, если ей немного повезет... Пошла вниз по бульвару, глубоко вдыхая воздух и в последний раз задаваясь вопросом, не было ли в ее распоряжении какого-нибудь иного способа, – прекрасно понимая при этом, что она тщательно перебрала все немногие доступные ей возможности. И ничего лучшего не нашла. Придется довериться интуиции. Интуиции, это ж кому сказать...

Машины проезжали мимо, останавливались, опускали стекла, чтобы осведомиться о расценках и прикинуть качество товара. Некоторые разворачивались в конце бульвара, чтобы проехать еще раз в обратном направлении. В самом начале она старалась не идти по бульвару, когда возвращалась поздно, но обходить было долго, и потом, она осознала, что, в сущности, ей не было так уж неприятно: свои отношения с внешним миром она свела к минимуму, и ей, пожалуй, даже нравилось отвечать, словно соседке, к которой начинают привыкать, на слегка фамильярные приветствия этих женщин, которые, как и она сама, возможно, задаются вопросом, удастся ли им однажды выкарабкаться.

Бульвар освещался от точки к точке. В первой своей части это был бульвар СПИДа. Совсем молоденькие девчонки, словно наэлектризованные, казалось, пребывали в постоянном ожидании очередной дозы. Они были достаточно хорошенькими, чтобы привлекать клиентов в свете фонарей. Подальше их товарки укрывались в полутьме. А еще дальше, почти в полной темноте, начинались владения трансвеститов, чьи разрисованные, отдающие в синеву лица иногда выныривали из черноты, как карнавальные маски.

Софи жила еще дальше, в той части, где было поспокойнее, но еще более мрачно. Женщина, которую она имела в виду, была на месте. Лет пятидесяти, искусственная блондинка, выше Софи, с внушительным бюстом, который призван был привлекать определенную клиентуру. Они посмотрели друг на друга, и Софи остановилась рядом.

– Простите, пожалуйста... Я хотела бы узнать...

Софи слышит, как звучит ее голос: чистый, ясный. Сама удивляется, сколько в нем уверенности.

И прежде чем женщина успевает ответить, добавляет:

– Я могу заплатить, – и показывает купюру в пятьдесят евро, которую держит в кулаке.

Женщина какое-то мгновение рассматривает ее, потом оглядывается вокруг, неопределенно улыбается и произносит хриплым от сигарет голосом:

– Это смотря что узнать...

– Мне нужен один документ... – говорит Софи.

– Какой документ?

– Выписка из свидетельства о рождении. Имя не имеет значения, мне важна только дата. Ну... год. Может, вы знаете, к кому я могу обратиться...

По идеальному сценарию Софи должна была встретить некоторое сочувствие, даже понимание, но это осталось в области романтических иллюзий. Речь могла идти только о деловых отношениях.

– Мне очень нужно... если оплата в разумных пределах... Не могли бы вы просто дать мне имя или адрес...

– Так дела не делаются.

Женщина повернулась спиной и отошла, прежде чем Софи успела хоть шевельнуться. Она так и осталась стоять в нерешительности. Потом женщина обернулась и просто сказала:

– Подойдешь ко мне на той неделе, я узнаю...

Она протянула ладонь и выжидательно замерла, не спуская глаз с рук Софи. Та заколебалась, порылась в сумочке, достала вторую купюру, которая незамедлительно исчезла.

Теперь, когда стратегическое решение принято и никакого лучшего выхода найти не удалось, Софи не стала ждать результата своего первого демарша, прежде чем предпринять второй. Конечно, сработало тайное желание прищипорить судьбу. Через день, когда у нее выдался перерыв в середине дня, она отправилась на разведку, предварительно оза-

ботившись тем, чтобы выбранная цель была равно удалена и от кафе, и от ее дома – на другом конце города.

Выйдя из автобуса на бульваре Федерб, она долго шла, сверяясь с планом, чтобы ни у кого не спрашивать дорогу. Нарочно прошла мимо агентства, не торопясь, только чтобы кинуть взгляд внутрь, но все, что смогла заметить, это пустой письменный стол с папками и несколько плакатов на стенах. Тогда она перешла на другую сторону, повернула обратно и зашла в кафе, из окон которого могла следить за витриной, не выставляя себя напоказ. Наблюдения дали не больше чем беглый взгляд: это было одно из тех учреждений, где абсолютно не на что смотреть, из тех агентств, которые культивируют свою безликость, чтобы не отпугнуть посетителей. Через несколько минут Софи расплатилась за кофе, решительным шагом пересекла улицу и толкнула дверь.

В конторе по-прежнему никого не видно, но с помощью дверного звонка ей удалось вызвать увешанную украшениями женщину лет сорока, с волосами, не вполне удачно покрашенными в рыжий цвет, которая протянула ей руку, как если бы они были знакомы с детства.

– Мириам Декле, – представилась она.

Ее имя кажется таким же искусственным, как и цвет волос. Софи ответила: «Катрина Гераль», – что, как ни парадоксально, прозвучало намного правдоподобнее.

Директриса агентства, очевидно, считала себя отличным психологом. Она поставила локти на письменный стол, упер-

лась подбородком в ладони и посмотрела на Софи с понимающей улыбкой, к которой примешивалась доля печали, что должно было свидетельствовать о близком знакомстве со скорбями человеческими. И с солидными гонорами тоже.

– Иногда бывает так одиноко, верно? – прошелестела она мягко.

– Бывает... – отважилась согласиться Софи.

– Расскажите о себе...

Софи быстро прокрутила в голове небольшую памятку, которую для себя набросала и где каждый пункт был тщательно продуман и взвешен.

– Меня зовут Катрина, мне тридцать лет... – начала она.

Беседа могла продлиться часа два. От Софи не укрылись всевозможные ухищрения директрисы, вплоть до самых грубых, лишь бы убедить посетительницу в том, что ее «понимают» и она наконец обрела внимательную и опытную слушательницу, которой ей так не хватало, короче, чтобы убедить ее, что она попала в добрые руки всеобщей мамочки с тонкой чувствительной душой, которая все схватывает с полуслова, что и доказывает мимикой, означающей то: «Можете не продолжать, я все поняла», то: «Я знаю, в чем ваша проблема».

Время поджимало. Софи спросила со всей возможной неловкостью, как «это все происходит», и добавила, что ей вскоре надо вернуться на работу.

В подобных ситуациях всегда начинается бег наперегонки с часовой стрелкой. Один хочет уйти, другой хочет задержать. Это напряженная борьба, во время которой на скорости прокручиваются все этапы настоящей маленькой войны: атаки, уклонения, передислокации, устрашение, ложное отступление, смена стратегий...

В конце концов Софи устала. Она узнала все, что требовалось: цену, уровень клиентуры, схему встреч, гарантии. Пробормотав смущенное, но отражающее внутреннюю убежденность «Я подумаю», она вышла. Со своей стороны она сделала все возможное, чтобы не слишком потрясти воображение директрисы. Без колебания назвала фальшивое имя, фальшивый адрес и фальшивый телефон. Направляясь обратно к автобусу, Софи пребывала в уверенности, что больше сюда никогда не вернется; зато она получила подтверждение того, на что надеялась: если все пройдет хорошо, скоро она обретет новую и совершенно безупречную личность.

Отмытую, как грязные деньги.

И все благодаря выписке из свидетельства о рождении, выданного на чужое имя, но абсолютно достоверного. Ей останется только подыскать мужа, который даст ей новое имя, безупречное, не вызывающее ни малейших подозрений...

Найти ее станет невозможно.

Исчезнет прежняя Софи, воровка и убийца; прощай, Софи-Чокнутая.

Выход из черной дыры.
Явись, Софи-Пречистая.

11

Софи прочла не так много детективов, но кое-что она себе представляла: задняя комната ресторанчика в подозрительном квартале, полная табачного дыма и неприятных субъектов за карточным столом; вместо этого она оказалась в большой квартире с белыми стенами и огромными окнами, из которых открывался вид почти на весь город, а перед ней стоял сорокалетний мужчина, правда, не очень улыбчивый, но на вид вполне цивилизованный.

Это место выглядело карикатурой на все, что она ненавидела: застекленный кабинет, дизайнерские кресла, абстрактная раскраска стен... работа декоратора, рассчитанная на расхожие вкусы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.